

A close-up portrait of a man with a serious, intense expression. He has several deep, bloody scratches on his right cheek and forehead. He is wearing a dark leather jacket with a thick, brown fur collar. The background is a blurred outdoor setting with buildings under a hazy, overcast sky.

НИКИТА КИРОВ

ВОЛК

ЛИХИЕ 90-Е

Никита Киров
Волк: Лихие 90-е
Серия «Волков», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70013923

SelfPub; 2024

Аннотация

После несчастного случая я снова оказался в 1997 году, в то лето, когда потерял родных и друзей. Но в этот раз у меня есть шанс исправить всё. Цены считают в миллионах, деньги есть только у коммерсантов и бандитов, а народ с опаской ждёт, чем ещё удивят лихие 90-е. Ну а я отберу у этой эпохи всё, что она у меня забрала. Отберу с процентами, которые она должна

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	64
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Никита Киров

Волк: Лихие 90-е

Глава 1

– Уволить и дело с концом! – проорал начальник.

– Да погоди, Евгенийч, – сказал я. – Ну накосячил парень, бывает. Год без косяков работал, а тут сразу увольнять.

– Да он нам тепловоз на непланный ремонт загнал!

Испуганный слесарь из колёсно-моторного цеха стоял перед нами в прокуренной комнате, где собирались мастера. Начальник орал так, что слышно было во всём корпусе.

Но уже понятно, что обошлось, начальник отходчивый.

– Сегодня объяснительную! – рывкнул Евгенийч. – А теперь в цех! Живо!

Слесарь торопливо выбежал, а Евгенийч засмеялся.

– Добрый ты, Михалыч, – сказал он. – Вот вечно вступаешься. Ты же зам по ремонту, тебе положено орать больше, чем мне.

– А тебе лишь бы увольнять, – я посмотрел в журнал передачи смены, где были расписаны дела на сегодня. – Один потом работать будешь? А уволишь, куда ему податься?

– Ну так сейчас и не девяностые, когда были только менты, бандиты или железная дорога, – Евгенийч закурил. – Но

ладно, прав ты. Хотя сейчас с управления звонить будут...
ох, как же они...

– Ну ничего, поорут и перестанут, – я вытащил чёрную рацию из зарядной станции. – Сменный мастер, что с Двенадцать-Сорок Два?

– На выкатку отправили, – через несколько секунд скрипела рация. – Меняем третий тяговый двигатель!

Евгеньич выматерился и достал телефон. Уже звонили большие начальники, спрашивали, что случилось. Локомотив только что пришёл на неплановый ремонт, едва выйдя с планового. Парнишка отписал в журнале, что сделано, но машина вернулась в депо на следующий день.

– Пойду посмотрю сам, – я убрал рацию в нагрудный карман, захватил сигареты и пошёл.

За столько лет уже привык к депо. Сейчас утро и шумно, пришла дневная смена, мастера разошлись по цехам готовить бригады. В автоматном цехе мастер Бабурин орал на своих подчинённых, в топливном всей толпой ржали над чем-то. Мимо с гудением проехала грузовая кара, на которой стоял здоровенный цилиндрический комплект, уже снаряжённый и готовый к установке. Машинисты прогрева загоняли в корпус очередной тепловоз.

Рация привычно скрипела, на втором канале велись привычные переговоры, наполовину по регламенту, наполовину неформальные:

– Сменный мастер! Зайди на раздачу!

– Понял!

– Техосмотр, Коля!

– Слушаю!

– Локомотивная бригада пришла на Два Ноля-Семнадцать, нет прожекторных ламп.

– А где я их возьму?

– Нуними откуда-нибудь! Бригада без них не поедет!

Дошёл до колёсно-моторного цеха. Сегодня им привезли новые колёсные пары. Грузовик встал рядом с корпусом, уже начинали выгрузку. А злополучный тепловоз 1242 уже стоял на выкатке, с него снимали заклинивший тяговый двигатель.

– Что там, Кирюха? – спросил я, входя в цех.

– Да ничего хорошего, Максим Михалыч, – крепкий парень двадцати пяти лет, бригадир колёсно-моторного, спустился ко мне с палубы. – Менять будет. Как и смотрели?

– Так твои смотрели, – с раздражением сказал я. – Сегодня вон один из них получал.

Я вздохнул. Косяк, отразится у них на премиях, что особенно хреново перед Новым годом. Но никуда не деваться, придётся работать.

– Надо сегодня до обеда закончить и выгнать её нахрен отсюда.

– Сделаем, Максим Михалыч, – Кирилл кивнул.

Мы отошли, пропуская погрузчик, который перевозил поддон с закреплённой на нём колёсной парой.

– И ещё, – Кирилл огляделся по сторонам и прошептал: –

В воскресенье, чтобы вы, как штык были у меня. Отказы не принимаются.

– Чтобы я, да хоть одну свадьбу пропустил, – я засмеялся и похлопал его по плечу. – Тем более твою.

Хороший парень, а ещё на брата моего похож, да и тёзки с ним. Хотя мой Кирилл до двадцати пяти не дожил, как и до собственной свадьбы. Жаль, но... давно это было.

– Слушай, Кирилл, – сказал я. – Ещё надо перед Новым годом сделать в цехе...

– Да куда ты! – крикнул он, посмотрев поверх моего плеча. – Рукожопы! Да кто так крепит? Ладно, Михалыч, пошёл я их гонять, а то совсем расслабились.

Он отошёл, а я достал рацию.

– Техосмотр, Коля! – позвал я. – Нашёл лампу?

– Нашли, Михалыч. Уже...

За моей спиной раздался грохот. Тяжёлая колёсная пара сорвалась с подъёмника и очень быстро покатила по полу. Прямо к стенду, где стояли Кирилл и слесарь, на которого сегодня орали.

Раздавит же их сейчас!

Рация выпала на пол. Я побежал, как в молодости. Слесарь отпрыгнул, а вот Кирилл замялся, не знал, куда броситься. Испугался, но ему же сейчас ноги переломает! А то и того хуже.

То ли я такой быстрый в своём-то возрасте, то ли было недалеко.

Толкнул Кирилла в плечо изо всех сил, но не рассчитал сам, уйти не успел. Колёсная пара, с зубчатой передачей, весом больше тонны, врезалась прямо в меня.

Удар и хруст, и ещё один когда я упал и стукнулся об пол затылком. Колёсная пара остановилась надо мной.

– Михалыч! – крикнул Кирилл, поднимаясь с пола. – Ты... Хоть что-то успел. Жаль только, что тогда опоздал, когда мой брат... Глаза закрылись...

А потом будто кто-то сбросил меня вниз.

Я покатился на камнях, ударившись локтем. Какие тут камни? Откуда они в цехе?

Докатился вниз и распластался по земле. Не понял. Я открыл глаза и огляделся. Саднило локоть, чёрные джинсы в белой пыли от камней, а сверху проезжал состав, который оглушительно гудел.

Поднялся на ноги. Когда лет уже под полтинник, опасно так падать.

Где я?

Я стоял прямо под железнодорожной насыпью, покрытой белыми камнями. Будто упал сверху и покатился по ним. Состав, нагруженный лесом, ехал дальше, тепловоз оставлял след густого чёрного дыма.

Пахло полынью, тут её полно. Наверное, должно пахнуть и креозотом от шпал, но к этому запаху привыкаешь и не замечаешь. Я огляделся. Почему я в джинсах, а не в своей хэб-эшке? И почему вместо ботинок старые тупоносые туфли?

Вместо куртки со светоотражающими полосами на мне вообще джинсовка поверх белой футболки.

Тёмные очки разбились, вот они лежат, у меня под ногами..

Нихрена не понимаю, я их не носил лет двадцать.

На камнях ещё лежал пакет, на котором изображена улыбающаяся девушка в обтягивающей майке. Чуть дальше валялся рюкзак из кожзама.

Не зима, а лето, очень жарко. Июнь? Возможно.

Но я знаю это место. Вот железнодорожная линия, делящая сибирский городок Новозаводск на две части – сам город и частный сектор, застроенный домами с участками.

Я сейчас там, где находятся частные дома. Будто как и раньше, в молодости, пошёл прямо через пути, чтобы срезать путь и не обходить через мост. Ведь автобусов не было, а такси дорого, не по карману студенту.

Стоять мог без проблем, ноги почему-то уцелели, хотя я видел, что с ними стало после наезда колёсной пары. Всё в порядке, если не считать того, что прокатился по камням, когда решил перебежать через пути перед едущим поездом. Что вообще на меня нашло? Мне же не двадцать лет.

Но... посмотрел на руки, они совсем молодые. Да и вообще, ничего себе я схуднул. И отдышки нет. Что случилось?

Встряхнул куртку, поискал телефон, но его не было. Зато в кармане джинсовки лежал паспорт... мой старый паспорт, который мне дали ещё в шестнадцать лет. Советский,

но внутри криво вклеен вкладыш, что я, Волков Максим Михайлович – гражданин Российской Федерации.

Ещё есть кошелёк, тоже из козжама. Внутри одна надорванная купюра в 10000 рублей, одна, совсем мятая, в 5000. Ещё три купюры в 1000, совсем плохие.

Похожи на обычные, которые сейчас почти не ходят, в 10 и 5 рублей, только лишние нули. Но я их тоже помню. Их же тогда меняли, на другие деньги, почти такие же, но там было поменьше нулей. Правда, купюры в один рубль так и не сделали. Ещё, в отдельном отсеке кошелька, лежали белые монеты по 100 рублей и жёлтые по 50.

Где я их нашёл? Такие только в музее водятся.

Теперь понимаю ещё меньше.

Но если буду здесь стоять, у насыпи, вообще ни в чём не разберусь. Передо мной пустырь, заросший полынью, я прошёл через него, захватив рюкзак и пакет. В рюкзаке вещи, а в пакете тетради и бутылка дюшеса, пластиковая, полтора литра.

Будто вернулся в молодость. Но не в Советский Союз, в которым я жил в детстве. Сейчас здесь всё иначе, но всё ещё хорошо знакомо.

Я прошёл через пустырь и увидел улицу. На ней были только частные дома. Ворота одного открыты, рядом с ними стояла красная восьмёрка. Рядом с ней несколько парней, которые сидели на скамейке с тёмными бутылочками. Местное пивзаводское. Только пивзавод тогда был процветающим за-

ведением.

В машине играла магнитола, и эту песню я помнил. Я же тогда даже слушал эту группу.

«Домой, пора домой», напевал Юра Клинских из Сектора Газа.

Какой это был год? Парни в спортивных штанах, загорелые, причёски короткие, курили все.

Чуть дальше магазин под названием «Ксюша». Обычный домик из брёвен, у которого сделали дверь во внешней стене. Она открыта, на входе висел белый тюль от мух. Если я правильно помню, купить можно многое, если у тебя есть деньги. Правда, обычно их нет. Как говорится, если ничего не покупать, то цены хорошие.

Рядом со входом в магазин шла другая коммерция. На одной табуретке сидела бабушка, на другой, которая стояла перед ней, было три стакана жареных семечек, разного размера.

Бабушка с трудом переносила жару, обмахивалась газеткой. Это что, баба Настя? Но она же умерла в конце 90-х. Как это возможно?

Остановился, пытаюсь всё это понять. Но я же помнил это место, ведь я жил здесь раньше. И песня Сектора Газа очень идеально попадала в ситуацию. Ведь я же учился в другом городе, но приехал на каникулы. Попал домой.

Прогудел гудок. Это не поезд, мимо проехал МАЗ, поднимая целую тучу пыли. Улицы при Союзе здесь были покры-

ты асфальтом, но от него почти не осталось ничего, только ямы. Никто давно не ремонтировал эти дороги.

МАЗ ревел, он был нагружен полностью, прицеп забит под завязку. Позади торчали куски металла, огромные катушки медной проволоки и даже нечто, похожее на разрезанный корпус самолёта. Сигналил мне водитель, дядя Вася, пожилой мужик с усами. Он поприветствовал меня поднятой рукой, я машинально кивнул в ответ.

Дядя Вася – бывший учитель истории, но вместо уроков он возил цветмет в Китай на своём МАЗе. Местные алкаши обшаривали все помойки, чтобы найти что-то ценное и сдать за деньги или китайский спирт, который можно было разводить с водой. Но дядя Вася же переехал отсюда, а потом умер! Как он оказался здесь?

Это всё сон. Или что-то другое?

Когда пыль улеглась, проехала другая машина. Очень дорогой джип, Чероки, зелёного цвета. Это Лапины, они ездили в Китай, покупали там шмотки и продавали их на местном рынке. Но они тоже уехали, что с ними случилось потом, я не знал.

Столько воспоминаний, а я так и стою в пыли, отходя от удивления. Да невозможно это всё, но я видел это собственными глазами. Всё как в тот день.

А ведь если живы дядя Вася и баба Нюра, да и Лапины ещё здесь, а я тут, с деньгами, которые не ходят больше двадцати лет, одетый, как одевался в молодости, сам вдруг помо-

лодевший... Но если это стало возможным, то должны быть живы и другие!

Я быстрым шагом пошёл по улице. Благо, было недалеко. Дом на месте. Не пустырь с обгоревшими развалинами, как я видел недавно, когда проезжал мимо, а целый дом, каким он ещё был в 90-е года.

Построенный из брёвен, с серой шиферной крышей и телевизионной антенной наверху. Огорожено всё забором из красных досок, но палисадник обтянут металлической сеткой, за которой росли три дерева черёмухи. Уже отцвела, но ягодок ещё нет.

Я торопливо подошёл к калитке и открыл. Большую часть двора занимал гараж, но если пройти дальше, начинался огород с ровными грядками. Тогда он позволял нам выжить, особенно когда деду не платили пенсию. В начале 90-х только огород и помогал.

Кирюха сидел на крыльчке и разматывал леску, рядом с ним лежали китайские бамбуковые удочки. Это темноволосый худой парень семнадцати лет, он тогда закончил десятый класс и сейчас был на каникулах. Одет брат был в майку-тельняшку и старые штаны, на ногах чёрные шанхайки, лёгкая китайская обувь. Кулаки сбиты, он как и я, усердно занимался кикбоксингом.

– Ждём тебя с утра, Макся, – с укором сказал он. – Но ты походу сразу в город пошёл?

Да, я же в город и ходил. Сразу к товарищам. Не сказал бы,

что друзья, но почему-то тогда я ценил их больше, чем семью и настоящих друзей. Знал бы, кто они... Но ведь сейчас-то я знаю.

– А чего так смотришь? – спросил Кирюха. – Будто призрака увидел.

– Будто бы...

Я помнил. Он же погибнет этим летом, в аварии. Потому что я...

Потому что я тогда совершил ошибку. И целых две. Невольно обернулся и посмотрел на дом через дорогу. Там никого...

Но ведь брат... Он как раз подошёл ближе. Видно, как сдерживает радость, ведь старался её не проявлять при всех. Тогда вообще никто старался ничего не показывать. Но Кирилл действительно с нетерпением ждал, когда я приеду. А я тогда...

Ну а сейчас я крепко пожал ему руку и похлопал по плечу.

– Вот я и дома, – сказал я.

– Дед отправил за молоком и в магазин, – пожаловался Кирилл. – Быстро вернусь.

– Погоди, – я достал кошелёк и сунул ему пятнадцать тысяч. – Чего-нибудь купи к чаю.

– Ты будто мне миллион сунул, – он рассмеялся. – Всё, я скоро. Дед там, ждёт тебя весь день, в окно заглядывает.

Вошёл в дом. Дед сидел за столом. Когда родителей не стало, он один растил нас с братом. С виду суровый, но за

нас переживал. Деда Боря разгадывал кроссворд, а по телевизору показывали ещё бодрого Якубовича.

– Сектор Приз на барабане!

Дом маленький, кухня с печкой, она же столовая, и общая комната с двумя коврами, один на полу, другой на стене. Там же и старые гарнитуры ещё с советских времён, и шкафы с одеждой. А в центре, под ковром, люк в подполье с картошкой.

Дед сидел за складным столом, который раскладывали полностью только на Новый год.

– Долго ты, Максимка, – недовольно сказал он. – Утром тебя ждали. Сейчас Кирюха придёт, чаевать будем. Как учёба?

– Да хорошо.

Честно говоря, учился я так себе, но тогда было плевать, как ты учишься, если платил вовремя.

Я отогнал муху и сел за стол. Дед тоже не особо любитель показывать эмоции. Будто я отходил в магазин и вернулся. Но он так привык. Ветеран войны, проработал всю жизнь на железной дороге. Таким я и его помнил, как сейчас.

Это тот самый день, который я смутно помню, когда я приехал домой из института. Это моё прошлое, я снова стал молодым. Но даже эта мысль не особо помогала.

– Я тут Кочергина видел, – сказал дед. – Он сейчас зам по ремонту в депо. Если желание у тебя будет, возьмёт на лето. Правда, с зарплатой сам понимаешь что.

– Понимаю.

Всё ещё никак не мог привыкнуть к своему голосу, молодой он, но чуть хрипловатый. Сколько мне сейчас? Двадцать один, что ли? Или постарше? А какой это год? Раз деньги старые, то не позже 97-го.

Но другой вопрос. Как это стало возможным?

– Ну, а куда ещё податься? В городе сейчас только милиция и железная дорога. Ну или в бандиты, – дед скривился. – Ладно, у нас-то хоть огородик есть. А жили бы в квартире... насчёт Кирюхи тоже договорюсь, чего ему тут дома сидеть, штаны пропёрдывать?

– Вот и я! – Кирилл потопал ногами у порога, сбросил шанхайки и поставил на стол литровую банку молока, булку белого хлеба и пакет пряников. Протянул мне руку и высыпал мелочь. – Всё до рубля! А я думал, ты нам зелени привезёшь из города, а не вот это.

– Да потише, – дед поморщился, пристально глядя в телевизор. – Задание прослушал. Какое там слово?

Суета дома знакомая, но подзабытая. Кирилл включил электрочайник, но не те, которые очень быстро закипают, а со встроенным кипятильником. Быстрые уже есть, но они мотают слишком много света.

Чай без пакетиков, только заварка. На красной коробке иероглифы, наверное, купили у Лапиных. Из холодильника достали маргарин Рама, который тогда считался маслом, а Кирилл быстро нарезал хлеб.

– Ну куда такими ломтями? – недовольно пробурчал дед.

Забыл я всё это, но вспоминалось. Но в голове было сложно всё это уложить. Похоже, это читалось по лицу, поэтому на меня с таким подозрением посматривали оба.

– Устал, наверное, с дороги-то, – предположил деда Боря. – Пусть спит, расстели ему, Кирюх.

Отдельных кроватей нету. Своя у деда, для нас с братом неудобный продавленный диван, который раскладывался на ночь. На улице смеркалось, после Поля Чудес начались новости, а потом включили Коломбо, которого дед смотрел, хотя в другие дни ложился рано.

При этом пожарили семечек, потому что покупать жареные было дорого, сырые стоили дешевле.

А я всё никак не мог свыкнуться. В голове и старая память, студента, который весь день веселился в городе. И моя, текущая, взрослого мужика, который прожил намного дольше, чем они. Которого в цеху сегодня прикончила сорвавшаяся колёсная пара. Ну хоть те парни выжили.

Телевизор вырубил, а дед начал ворочаться на пружинчатой кровати. За окном темно, но уснуть я уже не мог. Много мыслей.

– Смотри, чё у меня есть, Макся, – Кирилл показал две купюры по 100000, потом выключил свет.

– Где взял? – спросил я.

– У дяди Васи поработал, грузил металл. Сходим в город с тобой завтра?

– Да, сходим, – пообещал я. – Обязательно.

– Класс!

Кирилл начал вполголоса рассказывать городские новости, но вскоре иззевался и уснул.

Я поднялся и подошёл к окну. Уже когда стало тихо, у меня получилось всё обдумать, и я мог мыслить трезво.

То лето было страшным. Много чего случилось, о чём я долго потом думал, годами, перед сном. Сейчас-то вижу всё. Кирилл меня ждал, ведь я для него старший брат. Но я тогда считал себя очень взрослым и с малолеткой общаться не хотел. В итоге Кирилл огорчился, что я так себя веду, и мы почти не разговаривали.

А потом, перед моим отъездом, он разбился на машине, насмерть, вместе с девчонкой. Кто-то испортил тормоза, так и не нашли, кто именно. А у деда тогда не выдержало сердце...

Нет уж. Я прислонился лбом к холодному стеклу, глядя в темноту. Не знаю, почему я здесь оказался. Может, потому что я успел совершить хоть какой-то достойный поступок, и мне дался шанс всё исправить...

После случившегося я жил дальше, отучился, работал. Вроде бы всё было, но... всегда думал, чтобы я сделал, окажись я снова здесь, в это проклятое лето лихих девяностых.

Но так, как тогда, не будет. Жилы порву, но всё будет иначе. Они будут жить, и не в этой нищете. Время сложное, но разберусь. Сделаю всё и тогда, когда снова буду в возрасте,

будем сидеть с братом на рыбалке и вспоминать молодые годы, но...

Ведь не только с Кириллом и дедом тогда приключилась беда. В окно видно, как по улице кто-то идёт. Высокий человек, походка не твёрдая. В руке бутылка. Он сел на скамейку. Через несколько секунд он прикурил, и огонёк осветил лицо.

Знаю, кто это. Женя Ковалёв, мой друг детства. Мы с ним просидели за одной партой всю школу, вместе поехали устраиваться в институт, но он не сдал экзамены.

Я остался учиться, а он попал в армию. Мы с ним созванивались и переписывались, пока... пока его не отправили на штурм Грозного с другими пацанами. Вернулся совсем другой человек.

Он спился, связался с бандитами, получил перо в бок и умер. Этим же летом, за два дня до гибели Кирилла. Я даже не пошёл на похороны. Знаю только, что там почти никого не было, а единственный венок принесли от военкомата, самый дешёвый.

Я его часто вспоминал, думал, мог ли я что-то тогда для него сделать...

Вот сейчас и узнаем. Я оделся и вышел на улицу, чтобы встретиться со старым другом.

Глава 2

Забыл, как много тогда было комаров. Сразу начали жужжать у уха, пролетать мимо. Укусы злобные, будто эти комары тоже получили своё в 90-е.

По ночам почти никто не ездил по этой улице, да и прохожих почти никогда не бывало, ведь вполне можно получить палкой по затылку, а то и ножом. Фонари-то есть, ещё с тех времён, но лампы в них давно выбиты, да и никто в городской администрации не хотел жечь свет в частном секторе. Да даже в центре было темно.

Сейчас прохладно, нет ветра. Ночь звёздная. Я осторожно прикрыл калитку, чтобы не разбудить никого из домашних. Всё же свет был, но метрах в ста отсюда. Там горела лампа рядом с высоким забором из аэродромного железа. Несколько метров в высоту, почти как крепость. Там же, под лампой, красная кнопка звонка, чтобы можно было вызвать хозяев в любое время дня и ночи и купить китайский спирт.

Вот Женя этим и развлекался. Он не стал заходить в дом, а сидел на лавочке, на которой мы столько рассиживались в детстве и болтали о всякой чепухе, которая интересна мальчишкам.

Когда он затягивался сигаретой, на мгновение показывалось его лицо. Я шёл к нему, а он смотрел на меня.

– Я думал, ты даже не зайдёшь, Волк, – хрипло сказал Же-

ня. – Зимой-то не заходил.

Голос уже пьяный. В руке он держал пластиковую бутылку со спиртом, будто хотел пить его так, не разводя водой.

Так он меня и называл всегда, Волк, это от фамилии. Другие ровесники тоже звали так.

– Давно не виделись, Женя.

Я пожал ему руку и сел рядом. Глаза привыкали к темноте. Женя в потасканной военной форме, но вид всё равно аккуратный. Лицо приличное, выбритое, даже сейчас он не бросал за собой следить. Но перегаром от него несло сильно.

Сегодня он спокойный, но помню, что бывало и хуже. Как приехал, то заводился с полуоборота.

– Пить предлагать не буду, – сказал он с усмешкой. – Со мной не пьют, боятся.

– Может, и не надо, Женя?

– Кхе, – он снова усмехнулся и открыл пробку. – А как ещё?

– Поспи, а завтра мы в город с братом хотим. С нами поедешь? Развеешься.

Не хотелось оставлять его одного. Он в шаге от падения, ходит по самому краю. Тогда я этого не понимал, сейчас прям вижу. Надо его вытаскивать.

– Ночью не сплю, – сказал он, глядя перед собой. – Днём проще. Ночью спать не могу, как закрою глаза, то... Заразаты, тварь!

Бутылка выскользнула из его руки, спирт, от едкой вони

которого даже глаза слезились, с бульканьем вытекал на землю. Женя попытался поднять бутылку, но никак не мог её взять.

– Да и хрен с ней, – он достал ещё сигарету. – Какая уже разница? Ещё схожу.

Помог ему прикурить, он даже это не был в состоянии сделать.

– Не, ещё башку кто проломит, – сказал я. – Тут всяких хватает по ночам.

– Мне-то? – он усмехнулся. – Они ссутся со мной связываться. Но может и проломают. Знаешь, а когда лопаются черепушка, то...

– Завтра в город, – повторил я. – Развеемся, отдохнём. С нами давай. А ещё я с дедом говорил, про железную дорогу. Попробую и тебя туда засунуть, на первое время. Хватит дома сидеть. А потом...

– Что потом?

– А потом, – я посмотрел на него. – Знаешь, это время много чего у нас отобрало. Может, пора кое-что забрать назад?

– С процентами? – он хрипло засмеялся.

– Именно. Есть у меня мысль, но... вот ты бы мне пригодился. Никуда не встревай, подожди меня. Будет для нас дело.

– Неплохо звучит. Ну надо же, Волк, – Женя отбросил недокуренную сигарету. – Кент ты мой, да. Зимой всего раз

поговорили, и ты от меня держался за километр потом. А сейчас даже помочь хочешь. Зачем это тебе?

– Потому что поумнел. И тебе тоже пора. Давай, уведу тебя спать. А утром зайду. И не пей эту гадость!

– Козлёночком стану?

– Ослепнешь нахрен. Таким даже окна мыть нельзя, разьест стекло.

– В город не поеду, – сказал он, подпирая голову руками. – Не хочу я эти морды видеть. Пока я там был, они тут... они тут...

– Тогда просто заходи в гости. А сейчас спать.

Думал, будет сопротивляться, но слишком он опьянел. Завёл его во дворик. Если за собой Женя следил, то участок совсем забросил. У забора всё заросло крапивой, с прошлогодних грядок так и не убрали мусор, а в теплице разбиты окна. Курятник открытый, но куриц он съел давно. Гараж тоже открытый, значит, продал батиного москвича. На эти деньги похоже и пьёт.

Затащил парня в сени. Под ногами катались стеклянные пивные бутылки, пластиковые из-под спирта, и банки... вот это же гадость была, водка Чёрная Смерть, с черепом. Да какой только гадости тогда вообще не было. Увидел даже пустую бутылку спирта Рояль, который вроде больше и не продавался.

В самом доме просторнее, чем у нас, но всё завалено мусором. В середине комнаты открыто подполье, я его закрыл,

пока Женя не грохнулся туда.

Телевизор, старенький Филипс, включён, но просто показывал белый шум, это был единственный источник света внутри. В наших краях было всего два канала, ОРТ и РТР, по ночам они не работали. Рядом стоял старый японский видекассетный аппарат, из которого торчала кассета.

Женя завалился на диван, раскинув руки. Кажется, еды-то у него особо и нет, только пьёт. В одиночку, его многие знакомые сторонились, побаивались его внезапных вспышек.

Это сегодня он спокойный. Но чем дольше он будет напиваться тут один, тем хуже будет для него. Ему осталось жить чуть больше месяца, если я ничего не сделаю.

А я сделаю, не брошу, как тогда. Не просто так я здесь оказался.

– Утром зайду, – пообещал я.

Не ответил, отключился. Будет много работы. Но... из того, что я придумал сегодня, такой человек как Женя пригодится мне идеально. И будем потом сидеть втроём, с ним и братом, и вспоминать всё это.

Закрыв дверь и пошёл к себе.

* * *

Утром не сразу понял, что случилось и где я. Я не в своей квартире, а на старом диване, как когда-то давно, в молодости. Но воспоминания пришли быстро.

Воспоминания, не сожаления. Даже наоборот, подъём и хорошее настроение. Все живы, а я помню свою решимость,

которая была ночью. Всё только начинается.

Услышал шипение, что-то жарилось на сковородке. Дед не признавал разницы между ужинами, завтраками и обедами, поэтому жареная картошка на завтрак – вполне в его духе. Кирилла нет, наверное на огороде с утра, пока нежарко.

Огляделся уже спокойно. Телевизор Сони выключен, на тумбочке рядом с кроватью деда лежит книга в ярко-красной бумажной обложке. Серия «Чёрная кошка», вспомнил знакомый силуэт, дед любил читать криминальные боевики.

Книга – Антикиллер, Данил Корецкий. Он вроде бы даже в моё время всё ещё пишет. По книге потом снимут фильм, правда я его совсем не помню, в памяти не отложился.

Я проверил свои документы. Нашёл сберкнижку, на ней даже есть 397 тысяч, но в субботу их не снимешь. Карточки у меня нет, да и вряд ли в городе появились банкоматы. Сумма не абы какая, но хотя бы хватит на первое время, чтобы не просить деньги у деда. Вспоминая, что будет через год, деньги надо обязательно вывести.

М-да, люди только стали привыкать к этой жизни, а в 98-м году их ждёт сюрприз. Надо подготовиться к этому заранее, ведь это может дать и возможности. Я всё ещё обдумывал, как смогу этим воспользоваться.

– Долго спать будешь? – спросил дед, заглядывая ко мне. – В город же собирались. Брат тебя дожидаться не может.

Кирилл подготовился к поездке, надел лучшую белую рубашку, чёрные спортивные штаны и даже приготовил кожа-

ные туфли. А что, тогда вполне так и ходили, спортивные штаны с туфлями считались нормой в наших краях. Волосы на макушке пригладил водой, чтобы не торчали.

– Скоро поедем, – проговорил я и помыл лицо перед умывальником. – Сейчас, я быстро.

Я вышел на улицу, надо проведать Женю, убедиться, что он в порядке. Сидящие во дворе воробьи разом вспорхнули, а где-то позади, за домом, громко завопил индюк, которого дед держал на Новый год.

В воздухе витала пыль, а напротив дома Жени стоял джип, серый Лэнд Крузер. Окна затонирована аж до черноты, двери открыты. Сидящий на водительском месте лысый здоровяк в спортивной куртке поплёвывал семечками на дорогу.

– Ну смотри сам, – раздался недовольный голос. – Захочешь – позвонишь!

Худой мужчина с большими залысинами, одетый в чёрный спортивный костюм, вышел, хлопнув калиткой и уселся в джип, на меня не посмотрел. Лицо смутно знакомое. Водитель завёл машину, и она быстро тронулась, подняв ещё больше пыли. Камешки зашуршали под колёсами.

Сплюнул пыль и вошёл во двор. Женя сидел на крыльце и потирал голову. Тяжко ему. При свете дня видно, как он отощал. Под глазами тени, светлые волосы торчали дыбом.

– Ты, Волк? – пробурчал он. – Мне ща каюк придёт, я бы пива дерябнул. Но не осталось.

– После китайского спирта ты как ещё живой? Сколько ты

вообще пьёшь?

– Долго, – он махнул рукой. – Как приехал, вот и пью.

– Пошли, позавтракаем, у тебя всё равно все мышцы повесились. Кто это был?

– Не узнал? – Женя посмотрел на меня и прикрыл красные глаза рукой от солнца. – Фрол это. На работу меня звал. Охранником. Знаю я, какие у него охранники, кхе!

– Не пошёл? – спросил я.

– Нахрена мне это? Да и ты же чё-то предлагал.

Он с трудом поднялся, подошёл к железной бочке, которая стояла под сливом для дождевой воды, и сполоснул лицо, разбрызгивая во все стороны капли.

Фрол, Фрол... Фролов Виктор, вспомнил. Это бригадир с пивзавода, когда-то самая отмороженная банда в городе. Банд здесь достаточно, от всякой мелочи до крупных.

Когда ещё учился в школе, пивзаводские дрались с мясокомбинатовскими и черёмушкинскими почти каждый день, стрелялись чуть пореже, но тоже было. Как и заказные убийства, кровавые стрелки и всё прочее.

Сейчас тишина... ну как тишина, затишье. На самом деле это никуда не делось, просто обсуждали это не так часто. Да и крупные банды уже поделили между собой всё, что можно. Впрочем, хватало и мелких.

И... да, Женя тогда пошёл на пивзавод. Ещё бы, людей с боевым опытом, которые умеют обращаться с оружием, берут охотно, раз сами за ним приезжали. К чему-то готовятся?

Но неужели одного нашего ночного разговора хватило? Вряд ли, это только первый шагоч. Если Женя что-то помнит, то просто доверился мне. Теперь надо его не упустить и следить, чтобы не сорвался. Так, шаг за шагом, у нас всё и получится.

Ведь можно поменять многое.

– Ты же говорил, – он встряхнул головой. – Ты же говорил, с работой поможешь. Я всё равно дома сижу, никуда не берут... только Фрол зовёт. Надоело. И бабки кончаются.

– Да, без проблем помогу. Пошли.

Дед Боря и Кирилл на Женю посмотрели с удивлением. Вряд ли они видели его трезвым в последнее время. Кирилл принёс ещё одну табуретку, мы уселись завтракать.

Завтрак и обед сразу – молоко, зелёный лук, хлеб, редис, Рама, дед ещё достал банку малинового варенья. И главное блюдо – жареная картошка без лука, посыпанная свежим укропом.

Посреди стояла огромная бутылка кетчупа из красного пластика с жёлтой крышкой. Сначала подумал, что это Балтимор, который постоянно рекламировали в Городке. Но нет, это Довгань, тот самый, который «отвечал за качество».

– Где столько достал? – спросил я.

– Так Коля-сосед притащил, на яйца поменял, – сказал дед, выдавливая кетчуп себе на тарелку. – Ему же зарплату кетчупом дали, полный шкаф дома стоит. Куда и деть, пока не испортилось, не знает.

– До сих пор кетчупом расплачиваются?

– У них, на молокозаводе вот так. Иногда ещё мороженым или молоком.

Обычно, к этому времени уже почти все предприятия более-менее платили зарплату. Но иногда бывало и так.

Замолчали и ели, только вилки стучали по тарелкам.

– Сегодня суббота, – напомнил дед. – В понедельник надо будет к Кочергину идти на железку.

– Сходим все втроём, – я показал на парней. – Договоримся с ним.

– Я только насчёт тебя разговаривал, – с сомнением сказал он.

– Ничего, разберёмся.

На железке я отпахал всю жизнь, но, в этот раз будет другое дело. Более денежное, но такое, чтобы было не стыдно. Не бандитом, нет, и не коммерсантом. Есть одна мысль, но до этого ещё долго. Сначала надо всё обдумать. А парни, чтобы не сидели без дела, пусть пока поработают там.

– А я в такси хочу, – заявил Кирилл.

– Да кто тебя возьмёт? – дед усмехнулся. – У тебя даже прав нет, тебе семнадцать.

– И что? Такси же Замайский держит, а у него дядя – начальник ГАИ! Кто будет его водителей проверять?

– А ты слышал, как машины отжимают? Удавку на шею или ножиком в бок. Вечером выехал, и всё, пропало. Отморозков и шпаны столько, плевать им, что там какой-то тесть

начальник ГАИ.

– Буду Максю брать, – Кирилл гордо посмотрел на меня. – Он там любого уgomонит.

– Будто кто-то сядет в машину, где ещё один мужик сидит, – я поднялся из-за стола. – Пассажиры ведь тоже боятся, что нападут. Собирайся, Кирюха. Поедешь с нами? – спросил Женю.

– Не, тяжко, – он выдохнул. – Дома посижу, вечером заходи. И спасибо, давно так не ел.

– Так заходил бы, свои же, – дед смерил его взглядом. – А то только за спиртом ходишь. Как эту гадость пить вообще можно? Зря ты так, Женёк.

Женя медленно встал, чтобы напаялить старые кеды с раздавленным задником. Через несколько секунд хлопнула калитка.

– Ну хоть пришёл он, – сказал дед. – Ты за ним поглядывай, вы же друзья. Дурной он стал, стегает постоянно, как выпьет. А пьёт часто. К нему уже никто не ездит, боятся, один он.

Стегает – ведёт себя неадекватно, давненько не слышал этого слова.

– Присмотрю, – пообещал я.

– Я доверенность тебе напишу, – дед закричал, поднимаясь. – Права же у тебя есть. Я уже редко езжу, только на рыбалку.

– А можно я поведу? – спросил Кирилл. – Я аккуратно!

– В городе нет, – ответил я. – Там я сам.

В дедовском гараже стоял синий Луазик. Задняя часть обтянута брезентом, внутри только два кресла. Остальные пассажиры сидят у стены на неудобных лавках или вообще на колесе, которое лежало посередине.

– Вот он мой луноход, – с гордостью сказал дед Боря. – Обещали нам всем ветеранам и так выдать по машине, да не дождусь.

Кирилл открыл ворота, а я выехал на улицу на тарахтящей машине. Время вспомнить, что было в городе в моё время. Но сначала – заехать к ещё одному старому знакомому.

В город попасть напрямик невозможно, надо было проехать через весь частный сектор по его убитым дорогам, залитым лужам, а потом объехать через железнодорожный переезд.

Местные иногда засыпали ямы гравием, но его быстро раскатывало. Дед как-то раз в сердцах сказал, что даже в Берлине в 45-м дороги были хоть немного, но лучше. Я думаю, что он не преувеличивает, ну а его луноход для этих дорог подходил идеально.

Денег нам шиковать особо не было, да и я не собирался брать у брата его кровно заработанные. Просто осмотреться, заехать к Семёнычу, узнать, что там у него.

На переходе пришлось подождать, пока дымящий поезд, по злой иронии, тот самый 1242, рядом с которым меня прибило, протащил мимо нас целый состав древесины в Китай.

Грузы туда шли днём и ночью, дерево, нефть и металл, а оттуда дешёвые шмотки и всякий хлам.

Магнитолы у деда не было, так что мы с Кирюхой просто болтали. Вернее, я чаще слушал, потому что не хотел путать брата своими знаниями. Тем более, я же не всё помнил, что случилось двадцать пять лет назад. Сказану что-нибудь, о чём он ещё не знает и что ещё вообще не случилось.

Основная часть города была окружена частными домами, но этот район был более престижный. Заборы не из досок, а из кирпича или даже камней, многие дома были двухэтажными. Почти рядом с каждым – машина, причём недешёвая. Тут живут коммерсанты и бандиты.

– Заедем к Семёнычу, – сказал я. – Давно у него был?

– Весной, – Кирилл нахмурился. – Всё некогда.

Рынок дальше, а мы поехали в сторону Дома Офицеров. Неподальёку от него располагался зал, где была секция по кикбоксингу. Владимир Семёныч Иванов открыл её в самом конце восьмидесятых, мы с Женей были там одними из первых. Мужик суровый, но его уважали в городе.

Сейчас секция должна быть открыта, но кажется, что этот год она не переживёт. Вот и узнаю, что там случилось.

Зал – простая одноэтажная кирпичная постройка, её выдал тренеру муниципалитет. В центре, место удобное, рынок не так и далеко отсюда.

И я не зря приехал сюда, как чуял. Рядом со входом стояла чёрная тойота Марк-2, марковник, с правым рулём. Рядом с

ней курил громила с бритой головой, одетый в спортивную мастерку.

– Не похоже, что это пришли тренироваться, – сказал я Кириллу. – Зайду-ка я к Семёнычу, узнаю, что там.

Внутри ничего не изменилось – общий зал с крашенным в синий цвет деревянным полом, старые тренажёры, запах железа, кожи от груш и пота. На ринге спарринговались два парня лет пятнадцати, но не особо усердно, постоянно поглядывали на дверь тренерской. Остальные ученики тоже, вид тревожный.

А оттуда доносились звуки ругани.

– Да ты чё, б**, берега попутал, старый? Хоть знаешь, с кем говоришь?

Забыл я всё это, но сейчас вспоминал. Зато знаю, что во-время приехал. Кто-то решил наехать на моего тренера. Так что я подошёл к тренерской и решительно открыл дверь.

Глава 3

Семёныч, крепкий пожилой мужик в спортивном костюме-тройке (штаны, мастерка и жилетка) сидел за столом, на котором стояла дымящаяся пепельница.

Перед ним двое. Один бритоголовый «бык», который нависал над тренером, второй – худой мужик с прилизанными волосами и в деловом костюмчике, у которого лежал на коленях пластиковый дипломат.

В руках прилизанный держал моторолу в кожаном чехле, выставляя напоказ. Правда, смысл от сотового телефона, если в городе нет ни одной вышки? Зато статусный предмет для понтов.

– Лёша, не кричи, – мужик убрал телефон и открыл дипломат, доставая оттуда стопку листов. – Владимир Семёнович, вам просто нужно подписать это и освободить помещение на следующей неделе. Вы же в курсе про компенсацию. . .

– Что здесь происходит? – спросил я.

– А те чё надо? – «бык» повернулся ко мне. – Вали отсюда нахрен!

Прилизанный, не обращая на меня внимания, протянул пачку листов тренеру. Семёныч поднял голову на меня.

– Да я разберусь, Максим, – густым басом сказал он. – Уже не в первый раз приходят, пугают. И не в последний.

– Лёша, выведи посторонних, – прилизанный даже не по-

вернулся ко мне.

Лёша поцокал языком и попёр в мою сторону. Крепкий, шея толстая, одет в китайскую кожанку, несмотря на жару. Глаза навывкате пялились на меня. Выше меня на полголовы.

Сейчас будет просто, бей или беги. Но бежать не буду. Лёша схватил меня за грудки джинсовки, собираясь встряхнуть.

Я хлопнул его ладонями по ушам и добавил коленом. Лёша отошёл, краснея и пуча глаза от злости.

– Да я тебя...

Лоу-кик по ноге, отчего бык пошатнулся, и сразу пробил ему в корпус. Не думал, просто ударил. Лёша покраснел, держась за бок, и отошёл. Драться он что-то вдруг передумал.

– Да я тебя, – он простонал. – Я тебя...

Бык попятился к двери, а его главный с испуганным видом посмотрел на меня.

– Спрашиваю ещё раз, – сказал я. – Что происходит?

– Выселить он меня хочет, – спокойно ответил Семёныч. – Нашёл каких-то идиотов, думает, что напугает. Нет, Владислав, не соглашаюсь.

– Вы ещё не знаете, с кем связались! – возмутился прилизанный, захлопывая дипломат. – Ещё не знаете. Да я...

– Как раз знаю. Никто. Покиньте мой зал.

– Ты слышал его, – добавил я, потирая кулак. – Вон отсюда.

Тело помнит, ударил я мощно, на рефлексах. Вышел вслед

за ними на крыльцо. Думал, что водила тоже придёт драться, но марковник уехал, поднимая пыль и разбрасывая камни колёсами. Что-то так себе из них бандиты.

– А я уж думал, как их спровадить, – сказал Семёныч, выходя ко мне. – Ещё бы немного, и сам бы его выкинул.

– Кто это?

– Родионов, делец местный.

– Бандит?

– Не, из этих, новых русских. На рынке он торговал раньше, а сейчас автоматы хочет, – Семёныч хмыкнул.

– Автоматы?

– Ну эти, игральные, – тренер потянул воображаемый рычаг в воздухе. – Зал он держит, туда полгорода ходит и деньги спускают.

Теперь понятно. Бизнес выгодный, никем не регулируется, а помещение здесь удобное, центр города. Вот и наглеет.

– А я тут парней обучаю, – продолжил Семёныч, доставая пачку кэмэла. – А он повадился ко мне, зал мой отжать хочет, – прикурил спичками. – Нанял бандюганов, но мелких, шпану одну, вот и пугает.

– А серьёзный за ним кто-то стоит? – я смотрел вслед уезжающей машине.

– Не ну крышуют его конечно. Но тут он сам придумал расширяться, без братвы. Если бы с пивзавода нами занялся, меня бы живо выселили, даже не спросили бы. Но ты не бойсь, Максим, всё путём будет.

– Не боюсь, но чего-то слишком они тут охренели.

Тренер посмотрел на Луазик. Кирилл, сидящий там, опустил голову, как мог, но спрятаться не успел.

– Кириха, а ты чего забросил ходить?

– Так это, – Кирилл замялся. – Денег не было, вот и не ходил...

– Да придумали бы чего-нибудь, – тренер махнул рукой. – Вечно отмазки.

– Так и обучаешь бесплатно, – я вздохнул.

– Не всех. Ходят тут ко мне парни с детдома, а у них-то откуда деньги? Но пусть лучше в зале сидят, чем будут там клей нюхать по подворотням. Или того хуже.

Семёныч именно такой, каким я его помнил: крепкий, с мощным голосиной и принципиальный. Он держал эту секцию на своих широких плечах. Родители платили за занятия, но не все могли это позволить. И тренер часто обучал так, бесплатно, поэтому почти никакого заработка с секции не имел.

Зато на нём хотели заработать другие.

– Ты не ходил к Крюкову? – спросил я. – Он же твой ученик, он бы этого Родионова в бараний рог свернул.

– К бандитам не хожу, – мрачно сказал Семёныч.

– Всё равно. Не идёшь к бандитам, иди к другим. В милицию. Или мне сообщи, если туго будет, сам подъеду и Женю подтяну. Такое нельзя попускать, Родионов же наглеть будет. Надо ему сразу дать сдачи, как ты и учил.

Старик засмеялся, поглядев на меня теплее.

– Я тебя зимой видел, думал, ты зазнался, не подходишь. А сейчас как заговорил, по-другому. Не, Максим, тут ты прав, да. Но куда это мне в моём-то возрасте? Не люблю я всё это, раньше проще было.

– Посмотрим, что можно сделать. Семёныч, а ты с учениками бывшими контакт держишь? – спросил я.

– Со многими. Приезжают иногда ребята.

– Понятно. Потом обсудим одно дело.

– Ты тоже заезжай, тренировки забрасывать нельзя.

Ненадолго остался и посмотрел, как ведёт занятия Семёныч. Он живо разогнал всю толпу учеников, стоящих без дела, каждому нашёл, чем заняться. Я даже немного залюбовался, как ловко у него выходит. Уроки он вбивает в голову намертво. Вот даже сейчас я среагировал сразу и ударил, хотя в последний раз дрался именно в эти годы.

В зале в это время обучаются подростки. Некоторые из обеспеченных семей, а некоторых прям даже видно, что недоедают. Но учатся все вместе, такое условие ставит тренер, для него все равны. Более взрослые ребята подтянутся к вечеру, и я как-нибудь заеду тоже.

Не хочет Семёныч обращаться к Крюкову. Один звонок, и всё бы решилось. Хотя, может, и не зря, тот и правда стал бандитом, причём не последним в городе. А попросишь помощи у бандита один раз, станешь его должником.

Посмотрим, что можно сделать с Родионовым, но раз уж

я в курсе про эту проблему, забывать не буду. Поглядим, что можно сделать.

Вернулся в машину, её уже нагрело на солнце, Кирилл открыл окна и обмахивался газеткой..

– А что ты придумал? – спросил он. – Ты про какое-то дело говорил.

– А нечего подслушивать, – я хмыкнул. – Но да, есть одна мысль, чтобы заработать.

– И какая? – допытывался брат.

Посмотрел на него. Уже совсем взрослый и неболтливый, это я помню. Друзей много, но то, что скажу я – для него прям почти как закон, не расскажет никому.

– Думаю я про одно дело, – я выехал на дорогу и объехал яму на асфальте. – Сейчас много зарабатывают бандиты и коммерсанты.

– Ну да.

– Но не только они. Посмотри на город, да и на страну. Обстановка так себе...

Я встал на светофоре на красный, но едущий следом за мной белый джип объехал меня и рванул дальше, ревя двигателем. Патруль ГАИ даже не пожал плечами, они его будто не увидели.

– Но не все хотят платить бандитам за крышу, – продолжил я. – Тем более эти крыши меняются каждую неделю. А некоторым людям просто хочется спокойствия. Вот я и думаю – своё охранное агентство. По стране их полно, а вот в

наших краях почти нету.

– Ого! – Кирилл аж подпрыгнул на кресле. – Вот это планы! А как ты всё начнёшь?

– Надо деньги, надо людей. Сначала небольшое дело, потом будем расширяться. Пройдусь по знакомым, Женю возьму, может, он своих сослуживцев подтянет. Не всё же им пить или в бандиты идти. Тут и заработок, и всё легально. У Семёныча ещё есть парни крепкие в учениках, которые без дела сидят.

Глаза у Кирилла заблестели от интереса.

– Тебя тоже возьму, – пообещал я. – Но сначала школу закончи.

– Ништяк! А где деньги возьмёшь?

– В этом и смысл, – я усмехнулся. – Для того, чтобы зарабатывать деньги, нужно, чтобы деньги у тебя уже были.

Но с этим я тоже подумаю. Кирилл же не в курсе, что знаю я. Надо воспользоваться своим знанием, ведь я видел многое, что будет дальше, аж на двадцать шесть лет вперёд.

Через год с лишним – дефолт, ещё через полтора – вторая чеченская. Много чего будет, скажи сейчас Кириллу, не поверит. Парень даже компьютеры в глаза не видел, не говоря уже обо всём остальном.

Правда, есть сложность – когда начнёшь зарабатывать деньги, кое-кто захочет заработать на тебе. Поэтому повоюем. Время сложное, но в этот раз я смогу им воспользоваться.

Многие, как Женя, крепкие молодые парни, сидят без денег. Кто-то идёт в бандиты, а я смогу переманить нужных к себе. Крупные банды нынче работают по-крупному, но мелкие очень мешают работать предпринимателям поменьше, тем будет нужна защита. Никакая шпана не сунется в магазин, который охраняет серьёзная контора. А сунется – пожалует.

Припарковал машину на центральной улице, до рынка дошли пешком. Мне ничего не надо было покупать, как и Кириллу. Просто рынок тогда, можно сказать, был местом для общения или, как говорила молодёжь, тусовки.

Денег всё равно не было, только походить, пообщаться, повстречать знакомых. На выходных – речка или рынок, вечером дискотека. В кино не ходили, кинотеатр вообще не работал уже несколько лет. Вместо него – видеокассеты.

Сам рынок располагался в проходной ремонтного завода для грузовиков, закрытого ещё в начале 90-х. В цехах продавали молоко и мясо, шмотки и мебель, книги и игрушки. Много товара было и на улице.

На самом входе пахло вкусным, но есть я бы здесь не стал. Неизвестно, из чего приготовлены местные пирожки и когда это было. Рядом с прилавками пирожков стоял белый холодильник без витрины, в котором лежало мороженое в вафельных стаканчиках. Чуть дальше пенсионерки торговали жевательной серой, семечками и сигареты поштучно.

Дальше – киоски с газетами и журналами, ещё дальше

торговали кассетами, новинками проката и старыми фильмами. Всё нелегальное, само собой, с одnogолосым переводом и записанное в кинотеатрах. Легальные кассеты стоили непомерно дорого, да и на рынках их не было.

– Ты попросишь у Жени магнитофон? – спросил Кирилл. – А я у парней кассет возьму посмотреть.

– Вечером зайдём, спрошу.

Из каждого киоска играла музыка, от новинок до просто популярных на тот день вещей. Услышал давно забытых мною Белого Орла с его «Потому что нельзя быть красивой такой» и группу Рондо, где хрипловатый голос солиста пел «Боже, какой пустяк». Были и более узнаваемые вещи вроде «Ветер с моря дул» и «Мальчик хочет в Тамбов». Много было и иностранного, вроде въедливой «Итс май лайф».

Чуть дальше – прилавки, где пенсионеры торговали всяким китайским хламом, от иголок и носков до ножиков-бабочек. Кисти, ручки, безделушки, картриджи от денди, полосатые китайские сумки и прочее.

Были и магазины с бытовой техникой, где продавцы маялись от скуки, ведь покупателей там могло не быть целый день. Многочисленные ряды одежды, от деревянных прилавков до брезентов, постеленных на асфальт. Примерочных нет, если надо купить штаны – стоишь и балансируешь на картонке. Летом ладно, а зимой хуже.

Повсюду контейнеры, где хранили товар, и где жили некоторые продавцы.

– Давай шашлык и по пиву, – предложил Кирилл.

Шли как раз мимо прилавков, где хозяин в грязном фартуке жарил мясо на мангале и раскладывал по белым пластиковым тарелкам. Порции он обильно засыпал перцем и заливал кетчупом, чтобы спрятать запах душка.

– Лучше мяса здесь не есть, Кирюха. Ты деньги сильно не трать, тебе ещё в школу готовиться, выпускной же будет.

К этому подготовим. Ну а пока перекусили пирожками с капустой, запивая горячим сладким чаем. Обычно это самая безопасная еда, которую можно тут найти. Хотя желудки тогда что только не поглощали.

В продуктовых киосках куча зарубежной еды с яркими этикетками. Были прилавки, где торговали обнищавшие колхозники, предлагая творог, масло и яйца. Стоит дороже заграничного, зато масло на сковородке растапливается, а не разлагается на составляющие.

Выпивки на виду уже мало, за нелегальный алкоголь наконец-то начинали браться, но робко. Ещё вполне можно было купить вместо нормальной водки палёную, разлитую где-нибудь в Польше, а дорогой Абсолют вполне могли делать в ближайшем подвале из технического спирта...

Повсюду толпы людей, из города и приехавшие из деревень. Ходили бандиты-контролёры, следящие не столько за порядком, а за тем, чтобы никто не торговал без разрешения хозяина рынка, и милиционеры, которым тоже приплачивали за работу.

Отвык я уже от этой толпы, шума и гама. Но зато вспомнил, как это всё было. Можно было просто ходить и ничего не покупать, почему-то тогда этого хватало. Проникся духом эпохи, настроился на нужный лад. Скоро начнём.

– Давай домой, – предложил я. – Завтра воскресенье, на рыбалку съездим, если деду не надо будет помогать.

– О, класс! Там удочки как раз у Лапиных купил!

– Волк! – окликнули меня. – А ты чего к нам не заехал?

Человек пять парней в спортивных куртках разных цветов и джинсовках, с ними две ярко-накрашенные девушки в майках с открытыми пупками.

Помню всех, хотя лица подзабылись. Это к ним я ходил вчера, как приехал, вместо того, чтобы идти домой.

Кирилл заметно напрягся, подумал, что я сейчас его оставлю.

– Волк, давай с нами! – Петруха, уже поддатый, показал на пакеты, забитые мясом и бутылками. – На речку поедем, на шашлыки.

– Нет, – не раздумывая сказал я. – С братом хожу, потом занят буду.

– Да ты чё? – Петя посмотрел на меня и Кирилла. – Поехали уже, чё ты там с малолеткой возишься.

– Во-первых, он не малолетка, – я выдержал взгляд Пети. – А мой брат, так что осторожнее. Во-вторых, я сказал, что занят.

– Ну смотри.

Знакомые с удивлением оглядели меня, но пошли дальше, не возникая. Просто не понимаю сейчас, зачем мне проводить это лето, бухая каждый день, когда у меня столько планов.

Да и гниловатые это товарищи. Помню, как в прошлый раз встрял, когда в ресторане дрался с тремя пьяными, а вся эта компания делала вид, что не слышит. А потом такие «А что не позвал?»

Тогда этого почему-то не понимал, считал друзьями, но среди них друзей у меня точно нет. Друзья у меня есть другие, которые точно не бросят.

– Дед просил семечек купить, – Кирилл заметно воспрянул духом, что я остался. – И насадку на поливалку, картошку пора поливать. Говорит, хорошие китайские привезли.

– Китайских хороших не бывает.

Но всё же нашли одну и покинули душное место, когда людей стало ещё больше. Пора домой.

– Ой, Макс, привет!

У самых ворот рынка стояла девушка с каштановыми волосами, одетая в джинсовую юбку и тёмную майку. В ушах большие серёжки кольцами, на тонкой шее серебряная цепочка с маленьким крестиком. На плече сумка, будто сшитая из разных кусочков, с массивными замком и молнией.

– Привет, Даша, – с трудом узнал свою одноклассницу. – Как ты?

– Да хорошо, – она засмеялась. – Прямо лучше не быва-

ет. Сегодня прям денёк такой хороший. Утром приехала. Ты сессию сдал?

– Конечно.

– Домой приехала, а тут столько дел, – Даша поправила сумку. – Отправили за творогом. Побежала, увидимся. У тебя номер тот же?

– Да, тот же.

Мы с ней раньше встречались в школе, потом разъехались учиться по разным городам. Хорошая девушка, мне нравилась. Но потом она куда-то исчезла, и даже не помню куда. Может, осталась в большом городе, когда я вернулся в Новозаводск и устроился на железную дорогу. Прям совсем не помню.

Выехали из города и отправились в нашу залинейную часть. Но вместо того, чтобы ехать по дороге, я затормозил и посмотрел на брата.

– Давай за руль, Кирюха, поучим тебя ездить.

– Да я умею, – ответил он, гордо поднимая голову.

– Плохо умеешь, надо много практики. Но главное, есть у меня к тебе очень большая просьба, – я перестал улыбаться. – Очень серьёзная.

– Какая? – он нахмурил лоб.

– Никогда не гони и води аккуратно. Это важно.

– Понял, ладно. Зуб даю.

Покатались с ним за городом, по просёлочной дороге, благо, бензин позволял. Когда возвращались, за руль сел я. Вре-

мя уже шло к вечеру. Часы, закреплённые прямо на приборной панели, показывали четыре часа дня.

Ну, всё же день прошёл не зря, вспомнил, как оно всё было, повстречал знакомых от Семёныча до Даши...

Тут я резко затормозил.

Мать его. Вспомнил!

– Я вспомнил, – сказал я. – Только сейчас вспомнил.

– Что именно?

– Убил он её.

– Кого? – Кирилл напугался.

Не ответил. Я вспомнил, почему исчезла Даша. За столько лет забыл, совсем вылетело из головы, но сейчас вспоминались подробности. Ведь на следующий день, когда я приехал и отправился на речку с Петрухой и остальными... то есть сегодня...

Сегодня её схватит тот самый ублюдок. Первая из пяти жертв. Тот ублюдочный садист начал именно с неё.

В тот день? В этот день, сегодня, вечером. Когда она будет возвращаться домой, маньяк её схватит, утащит в развалины и там... как же это потом обсуждали, но потом забыли, ведь были новые жертвы.

– Я поехал, Кирилл, – сказал я. – Очень срочное дело.

Глава 4

Меня подмывало сразу поехать туда, где, как я слышал, и было совершенно это жуткое дело. Но всю историю я знал только с чужих слов. Вдруг они ошибались, и я буду ждать не там, где нужно. Сначала попытаюсь отвадить Дашу от этого места, а уже потом, когда она будет в безопасности, займусь тем ублюдком. Тем более, я знаю, кто он.

Но не дело охотиться на маньяка с несовершеннолетним братом, лучше возьму Женю. Но его не было дома, куда-то ушёл, а ждать его мне было некогда. Передал Кириллу, чтобы караулил его и отправил ко мне.

Мобильники тогда были, но далеко не у всех. Стоили непомерно дорого, а в нашем городке вообще не было сотовой связи, только в столице области были вышки. С пейджерами то же самое, а спутниковый телефон мог себе позволить даже не каждый банкир. А без всего этого найти кого-то сложно. Хорошо хоть, что городок небольшой.

Я вернулся на рынок. Это же женщины, Даша не могла так быстро уйти. Найду или её, или кого-нибудь из знакомых, кто её видел. Сразу пошёл туда, где торговали одеждой. Дашу не увидел, но повстречал нашу классную руководительницу.

– Здравсьте, Людмила Ивановна.

– Максим, здравствуй, – невысокая морщинистая женщина с грустным видом смотрела на висящие у прилавка шубы,

стоившие, как машина. – Вырос-то как.

– А вы Дашу не видели? Дашу Ерёмину?

– Минут двадцать назад, она творог покупала, так что точно домой скоро пойдёт.

У меня наручных часов с собой не было, зато часы были в машине. Вернулся, пять часов вечера. Погода уже начинала портиться, скоро будет ливень. Я доехал до танка ИС-2, стоящего на постаменте на центральной улице. Жени ещё не было, а ждать долго я не мог, но и одному ехать опасно. Как же плохо было без мобильной связи.

Увидел его уже когда собрался отъезжать. На Жене штаны от военной формы, сверху китайская камуфляжная футболка, вместо армейских ботинок потасканные кеды. Я подъехал к нему. Женя посмотрел на меня красными с похмелья глазам и залез внутрь. Сразу потянуло перегарищем.

– Что такое, Волк? – спросил Женя, щуря глаза от солнца. – Кирилл прибежал, глаза навывучку, кричит, помощь тебе нужна. Убивают кого-то, говорит.

– Да. Есть одно дело. Надо помочь человеку.

– Ладно. Надо так надо.

Он опустил козырёк на лобовом стекле и закрыл глаза. Даже не спорил и ничего не спрашивал. Если нужна помощь, на Женю всегда можно было рассчитывать. Даже в таких историях. Просто приходил, когда звали.

Адрес Даши я вспомнил, она жила на краю города, где тоже были частные дома. Семья обеспеченная, дом большой,

из белого кирпича, забор тоже кирпичный. За ним росли деревья, ильма, тополь и две черёмухи. За воротами стоял Камаз, но пустой.

Залаяла собака, когда я остановился у металлических ворот, выкрашенных в синий. Из дома доносилась песня, Татьяна Овсиенко пела «В пути шофёр-дальнобойщик». Вскоре вышел крепкий мужик в афганке, усатый и с большой лысиной. Это батя Даши.

– Чего надо? – буркнул он, глядя на меня и Женю.

– Даша пришла с рынка? – тут же спросил я.

– Нет, – он посмотрел на меня. – Это же ты, Максим Волков?

– Да. Как придёт, передайте, пусть сегодня дома сидит. В городе сегодня какая-то шпана ходит, сумки отбирает и серьги срывает.

– Вот твари же! – батя Даши сплюнул в сторону. – Откуда только лезут?

Не хотел объяснять, что именно должно случиться. Тогда бы начались вопросы, сомнения, никто бы не поверил, подумали бы, что я свихнулся. В такое вообще не верят. Поэтому я и не поехал в милицию сразу. Без доказательств только потрачу время, да и пока буду объяснять, всё случится. Я же ещё и окажусь под подозрением.

А вот шпана, грабящая людей, угроза понятная и знакомая всем. И очень реальная на это время.

– Так и скажу ей, – мужик нахмурился. – А то на танцы

она собралась сегодня. Дома пусть сидит!

Может, я испортил Даше вечер, но зато спас ей жизнь. Правда только в том случае, если она успеет вернуться домой. А если не вернётся... надо ехать туда, где это всё свершилось. Вдруг он будет там?

– А может скажешь, что случилось, Волк? – спросил Женя, когда я поехал дальше и вырулил на трассу.

– Обязательно. Ты помнишь Андрея Муратова? Он ходил к нам на секцию недолго, потом на борьбу ушёл.

– Кхе! – он усмехнулся. – Почти не помню, он же не разговаривал с нами. Станный был. Папаша его вроде отправил за границу учиться, богатые же. А он что, приехал домой?

– Увидишь его, скажи мне сразу.

Покосился на Женю. Не спорил, просто сложил руки на груди и снова уснул, хотя машину дёргало на всех этих кочках. Я поеду по этой дороге, когда-то в школе провожал Дашу до дома именно здесь. Если она пойдёт домой, то по этой дороге. Но она нигде не попадалась.

Думал, не отправить ли Женю следить за этим Муратовым, но... где его сейчас найдёшь? Пока выяснишь адрес, пройдёт время, да и вдруг, он не дома. Всё равно, что искать иголку в стоге сена. Тем более, у него быстрая машина, хотя и заметная.

На часах полшестого вечера. Погода портилась, солнце убиралось за тучи, ползущие в нашу сторону. Как и в тот день, который я сейчас вспоминал. Если не встречу её по пу-

ти, поеду на то место и буду ждать там.

* * *

Тем временем

– Пока, – Даша махнула рукой Кате на прощание и достала из сумки маленький складной красный зонтик.

Она зашла к подруге ненадолго, взяла посмотреть несколько фильмов на кассетах. Теперь пора домой. Даша закрыла калитку и торопливо пошла по улице, пока не зарядил дождь. Маршрут не тот, по которому она обычно шла, зато так будет быстрее.

Эта дорога пролегла рядом с заводом, где когда-то давно ремонтировали тракторы и комбайны. Здания заброшены несколько лет, но территория охранялась. Правда, из охраны там был только дедушка-вахтёр с ружьём, заряженным солью, который почти всё время сидел у себя в будке и смотрел телевизор. Не удивительно, что оттуда тащили всё, что осталось, в основном кирпич и металл. А станки вывезли ещё раньше.

Ржавые ворота были открыты. Наверное, вахтёр забыл их закрыть, и их распахнуло ветром. Ветер прокатил по разбитому асфальту пластиковую бутылку колы.

Даша ускорила шаг. В небе начало греметь сильнее, вот-вот польёт, а у маленького китайского зонтика заедало кнопку. Он никак не открывался, поэтому Даша не сразу заметила, как сзади к ней подъезжала машина.

– Вас подбросить? – раздался голос.

– Нет, не надо, – зонтик раскрылся, показывая узоры в виде цветков. Даша подняла его над головой. – Сама дойду.

Рядом с ней медленно ехала тёмно-зелёная машина. За рулём сидел крепкий парень двадцати с чем-то лет, светло-волосый, в тёмных очках и белой футболке.

– Да я могу довести. Сейчас ливанёт-ливанёт! – он улыбался.

– А я не езжу с незнакомцами, – ответила Даша.

– Меня Андрей зовут, – представился парень, продолжая ехать рядом. – Вот и познакомились. Давайте подвезу.

С неба покапали первые капли. Даша посмотрела наверх, потом на парня.

– Спасибо, Андрей, но я сама.

Некстати вспоминались разные истории. А может и наоборот, кстати. Как у них пропала девушка с курса, которую задушили её же платком рядом с общагой. Этот вроде приличный, точно не маньяк, но... эти тёмные очки в непогоду, зачем? И перчатки зачем-то, не зима же. Станный он какой-то, да и на улице пустынно, нет никого.

– Дойду сама, – Даша улыбнулась, хотя ей что-то стало не по себе. – Я уже почти пришла.

– Ты уже почти на месте, – Андрей дёрнул губами.

Машина остановилась. Даша обошла торчащую из-за забора крапиву и только собралась идти дальше, как зарядил ливень. А мокрая тряпка, воняющая чем-то неприятным, прижалась к её лицу. Даша пыталась вырваться, но быстро

слабела. Видела только руки в кожаных перчатках, которые крепко её держали.

Сторож тем временем пил чай, смотря «Аншлаг» по второму каналу на маленьком телевизоре, который сильно рябил. Иногда стучал по корпусу, когда показывало хуже.

– Ну и льёт же сёдня, – он выглянул в окно ровно на минуту позже, как один человек пронёс другого. На плече у человека болталась хозяйственная сумка.

* * *

Нет, нигде её нету. Придётся ехать к старому заводу, про который тогда говорили. Тело нашли у реки на следующий день, но уже потом, когда я услышал всю историю, то узнал, что первых жертв он убивал на этом заводе, а потом прятал в другом месте. Но вдруг слухи ошибались? В них нельзя быть уверенным.

Точное время я не знал, думал, что это будет ночью. Но ждать темноты не собирался. Тем более, из-за ливня и так нет свидетелей.

Уже подъезжая, я сразу заметил то, что мне не понравилось. У распахнутых ворот стояло тёмно-зелёное ауди. Наверное, единственное в нашем городе, понятно, кому принадлежит. Багажник открытый, но никого рядом с машиной не было. Дождь уже зарядил вовсю, очень плохо видно.

– Он утащил её туда, – сказал я, подъезжая ближе. – И где-то там её убьёт.

– Ты как этот, – равнодушно сказал Женя. – Мужик по

ящику выступал тогда. Бабка жива была, воду заряжала всё время.

– Касперский? – пробормотал я, заезжая на завод. Лило как из ведра. – Не помню точно.

– Не-не-не, как-то похоже, но не так. Ладно, какая разница, раз пообещал помочь. Куда?

– Рассредоточимся, Женя. Надо их найти. Сразу зови, как увидишь.

– Я и так справлюсь.

Несколько корпусов, куда они могли уйти? Вряд ли Даша согласилась добровольно идти в заброшенные здания, тогда это одно из ближайших. Есть сторож, но он даже не выходил посмотреть, что происходит. Заходи кто хочет. Я взял монтировку, Женя захватил разводной ключ и побежал через дождь к административному зданию.

Вышел под дождь и моментально промок. Вода холодная, одежда прилипла к телу. Захлопнул дверь машины и побежал в главный корпус. Одна дверь закрыта и опечатана, стальные ворота тоже. Но в одном месте не было окна, а решётки давно вывернуты. Я забрался внутрь.

Есть следы! Мокрые, он тоже успел попасть под дождь. Я перехватил монтировку и осторожно пошёл туда же, куда и он. Кричать не хотел, чтобы не спугнуть, вдруг он запаникует и ударит её. Дождь лил, капли били по остаткам железной крыши, что происходит, слышно плохо.

Под ногами катался мусор, банки, бутылки и шприцы с

опасно торчащими иглами. Охрана не особо помогала от визитов гостей, но скоро всё изменится. Здесь построят торговый центр, но пока ещё не начали.

Дошёл до лестницы. Куда он подался? Подвал или второй этаж? Следов уже не было, подсохли. Но заметил мокрое пятно на грязной стене из штукатурки.

В подвале дверь заперта, кто-то заложил её изнутри на засов. Но она простая, из дерева, причём уже подгнившего. Если буду ломать, будет громко, услышит.

И тут я услышал сдавленный крик. Времени нет. Снова крик, очень тихий, это из-за кляпа. Вставил край монтировки в щель и резко потянул на себя, вырывая доску. Потом ещё одну, открыл засов, просунув руку, и быстро вошёл.

Свет давал только шахтёрский фонарик, стоящий на столе и направленный на Дашу. Жива. А над ней стоял человек, который повернулся ко мне. Ну это точно он. Узнал, хотя видел его всего раз или два в жизни. Просто я помнил, кто он.

Давить эту тварь, пока не поздно. Меня аж передёрнуло от злости.

* * *

Тем временем, сторожка

Сторож вытер набежавшие от смеха слёзы с глаз, слушая выступление Задорнова.

– ... поехали на рыбалку! А он говорит, да какая рыбалка, я не умею! А наши говорят: а чё уметь, наливай да пей...

Но тут сторож что-то заметил в окне. Открытые ворота и машина, опять. Заехали, пока ливень. Дед потянулся к ручью, стоящему в шкафу, но... вдруг опять бандиты? Только хуже будет. Он взялся за красный телефон, стоящий у плиты.

* * *

Маньяк подготовился. Пол был застелен плёнкой от теплицы. Сумка раскрыта, рядом с ней лежал кожаный футляр, из которого торчали жуткого вида острые железяки. От вида всего этого по спине пробежал холодок.

Даша жива, лежала на полу, во рту кляп, руки и ноги связаны телефонным проводом. А над ней стоял парень в тёмных очках, мокрый от дождя. На руках кожаные перчатки. Низкорослый, крепкий, ломанные уши, как у многих борцов.

Точно он, тот самый Андрей Муратов, я его видел. Это он попадётся через год. Но мне нужно остановить его раньше.

Увидев меня, он отбросил скальпель, который зазвенел, падая на пол, и потянулся к сумке. Даша взвыла снова, пуча глаза.

Там пистолет!

Думать некогда. Я бросил монтировку. С неприятным звуком она ударила тварюгу в лоб. Муратов пошатнулся, но устоял. Крепкий, гад. Тёмные очки слетели, из разбитой брови по лицу побежала кровь. Я накинулся на него, ударяя в морду прямым правой.

Он грохнулся на пол, опрокинув сумку. На пол со звоном посыпались ножи, один он схватил. Потёртый наган откатился в сторону.

Подняться ему я не давал, нападал, забивал. Нож он выронил, но отбивался, закрывал все уязвимые места, а потом схватил меня за ноги. Я начал падать. Ну и силищи у него.

Ударился спиной об пол, едва не приложился затылком. Но откатился, пока борец не подмял меня под себя. Муратов снова потянулся к ножу, а я лёжа пнул его сразу двумя ногами и опрокинул. Поднялся и изо всех сил саданул ему в морду с пинка.

Нос хрустнул, маньяка отбросило назад. Пнул его под дых, на этот раз удачно, он сразу обмяк и начал хватать воздух ртом, а я добавил несколько раз кулаками по окровавленной морде. Потом поднялся и потянулся за наганом.

Давить эту тварь, пока не поздно. Раньше были сомнения, теперь нет, это он.

– Пальчики будут, Волк, – раздался спокойный голос. – Осторожнее с этим.

Женя не спеша вошёл, разглядывая маньяка со странной смесью любопытства и презрения на лице. Муратов начал подниматься в очередной раз. Ну и упёртый же он, эта сука.

Но Женя зарядил ему такой пинок в печень, что хватило одного удара. Маньяк замычал и свернулся калачиком, держась за бок.

– А ты прав был, Волк, – равнодушно сказал Женя. – Чуй-

ка у тебя, что ли? Ну с этим мудаком можно только одно сделать.

Он пнул в сторону наган и занёс ногу над головой гада, будто хотел раздавить. Даша снова замычала. Надо её освободить, но ничего сделать я не успел.

Услышал топот на лестнице. У Муратова что, охрана есть?

Нет.

– Стоять, милиция! – раздался громкий окрик.

Мы остановились, стоя рядом со связанной девушкой, кучей ножей, разбросанных по полу, наганом, который лежал на виду, и избитым в кровь парнем.

* * *

– Значит, увидели, как он её тащит? – спросил усталый опер.

Капитан Лесняков устало глядел на нас, сидя за старым столом, заваленным папка с делами. Я сидел на скамейке, прислонившись спиной к плохо оштукатуренной стене в тесном прокуренном кабинете.

Лесняков достал сигарету из пачки балканской звезды. Усталый мужик с большими мешками под глазами, в гражданской одежде, в потёртой кожаной жилетке и старой рубашкой под ней, лет около сорока. Гладко выбрит и коротко пострижен.

– Да, – сказал я. – Поехали с другом в город. Увидели Дашу, потом дождь начался, вернулись, чтобы её подвести, а тут... потащил он её. Вот мы и бросились за ним.

Опер будто не слушал, а только курил. Видно, как он устал от всего и хочет домой. Но пока ещё ничего не закончилось.

Женя должен был сказать то же самое. Ну а не говорить же, что я прожил жизнь, а потом вернулся в прошлое, и уже здесь вспомнил, что будет с девушкой, и побежал её спасать. Ни к чему усложнять всё.

Главное – что Даша жива, хоть и напугана. И проживёт дальше. А маньяк попался с поличным. И главное, что меня успокаивало – я помнил, что свою первую ночь в камере в тот раз он не пережил, утром его нашли в петле.

В этот раз наверняка будет так же, но без стольких жертв. – Ну хоть успели, мужики, – задумчиво проговорил опер и затушил сигарету о край толстой пепельницы. – А то бы худо было.

Допрос шёл до ночи, в основном допрашивал усталый Лесняков. Но всё это касалось деталей того, что случилось. Три свидетеля, Муратов не убрал все отпечатки с револьвера, а Лесняков обмолвился, что он недавно, буквально два дня назад, пытался затащить другую девушку в машину. Она вызвала милицию, но заявление писать не стала.

Они и сами уверены в том, что он хотел её убить.

Отпустили нас к полуночи, когда уже башка не варила после всех этих допросов, показаний и прочего. Я остался в узком коридорчике, сидя на неудобном откидном стульчике, и смотрел на свои отбитые руки.

Вскоре вышла Даша.

– Тебя подвезти? – спросил я.

– Нет, папа заберёт, – слабым голосом ответила она. – Он уже там, в машине, ждёт.

Даша подошла к двери, но обернулась.

– Спасибо, Макс. Если бы не ты...

– Нормально всё, – я ей улыбнулся. – Всё хорошо, а эту гадину посадят и закроют надолго.

И не только закроют. Она немного нервно улыбнулась в ответ и вышла. Пора самому ехать домой, а то дед уже разволновался Наверное, хотя мне и дали ему позвонить. Только дождусь Женю, но он уже спускался. Всё ещё никак не отошедший от похмелья, но довольный, что мы успели.

Повёз его домой. Когда отъезжали, мимо нас проехал большой чёрный джип.

* * *

Полночь, кабинет Леснякова

Лесняков закурил и выдохнул дым через нос. Перед ним на столе лежало два заявления от Дарьи Ерёминой. Первое она написало сразу, как приехали в отдел, второе написано несколько минут назад до того, как ушла.

Встречное, что не имеет претензий к Муратову. В народе это называли забрать заявление, но на самом деле его не забирала, а писали новое.

Не нравилось это оперу, но уговаривал не он. В кабинете находились ещё люди, включая подполковника Игнатьева, начальника РОВД Новозаводского района. Пожилой мужчи-

на курил мальборо.

– Ставим покушение на изнасилование, – сказал он и кивнул к окну. – Которого не случилось. Телесных повреждений нет, заявления нет, состава преступления нет. И всё, готово, можно выпускать.

– А оружие?

– Муляж.

Игнатъев неодобрительно посмотрел на опера и повернулся к окну. Там стояли ещё двое человек в дорогих деловых костюмах. Один из них, седой, с шёлковым шарфом на шее, курил сигариллу с деревянным мундштуком.

Это Константин Муратов, мэр Новозаводска. Человек со связями, давний приятель губернатора. А ещё он каждую неделю выпивал с Гошей, лидером мясокомбинатовских. Второй – это его адвокат.

Это адвокат разговаривал с потерпевшей и её отцом. Очень вежливо и спокойно. Говорил, что телесных повреждений нет, что не придётся таскаться по судам. Что не надо будет трепать себе нервы, а можно будет спокойно жить себе дальше. Даже обещали немного помочь с заказами отцу, который ездил в Китай с грузами. Что Андрей и не собирался ей вредить, и больше не тронет никого. Сам мэр молчал, только курил.

– А если он опять пойдёт на охоту? – спросил Лесняков. – Что тогда?

– Да нормально всё будет, – Игнатъев отмахнулся. – Кон-

стантин Михалыч говорит, что лично за племянником присматривает.

Лесняков покачал головой. Скоро привели и побитого Андрея с перевязанным лицом, грязного, как чёрт. Дядя залепил ему подзатыльник.

– Ну я тебе устрою, гадёныш, – пообещал он.

Опер сомневался, что поможет. Но пойманного отпустили. Большой чёрный джип мэра сначала увёз Андрея Муратова в больницу, а уже утром забрал домой.

Глава 5

Проснулся утром, немного размялся. Хорошо, когда ничего не болит, не хрустит и не тянет. А ещё хорошо, что я в те годы ещё не начал курить. И не начну, давно надоел этот кашель.

Дед Боря читал газету, надел большие очки, из-за чего его глаза увеличились, и бубнил себе под нос. Ещё вчера я рассказал ему, что случилось. Само собой, часть про то, что я знал заранее, я опустил. Просто мы с Женей увидели преступление и смогли его остановить. Об остальном промолчал. Кирилл тоже ничего не выдал, как и договаривались.

Удостоился от деда за это ободрительного кивка, что это уже было неплохо.

– Чаевать скоро будем, Женю зови, – пробурчал дед. – Всё равно у него наверное ничего нету.

Кирилл сидел на крыльце снаружи. Увидев меня, поднялся. Вчера поговорить толком не успели, я сразу вырубился и уснул, как приехал.

– А как ты узнал? – громким шёпотом спросил он. – Про всё это?

– Сложно сказать, – я пожал плечами. – Главное, что получилось.

– А может быть, ты что-нибудь ещё знаешь? – не успокаивался брат. – Там может, новости какие-то, или случится

чего.

С ним уже не случится, об этом я позабочусь. Об остальном пока буду помалкивать.

– В общем, делай, что я говорю, и всё будет нормально, – я хмыкнул и похлопал его по плечу. – К Жене пойду схожу.

– Наверное, если вчера устал, то и на рыбалку потом может? – Кирилл кивнул на гараж. – Всё равно днём плохо клюёт, с утра надо было ехать.

– Да, в другой раз, Кирюха. Обязательно с тобой съездим.

– Класс!

Время где-то часов десять утра, я давно так долго не спал. Привык в своей обычной жизни работать на железной дороге, где в депо надо было быть почти каждый день. А вот тут что-то расслабился. Но это ненадолго, скоро войду в колею.

Пока не забыл. Вернулся в дом и позвонил Даше. Пятизначный номер мгновенно всплыл в памяти, 3-22-23. Но ответила её мама, сказала, что Даша уехала с утра с отцом в деревню. Когда услышала, что это я, обрадовалась и сказала, что Даша мне обязательно перезвонит, как приедет. Добавила, что лично напомнит об этом.

Ну и хорошо, что уехала развеяться. Быстрее придёт в себя на свежем воздухе. Надо бы ещё узнать, что там с этим уродом. Надеюсь, эту ночь он не пережил. Таких тогда не любили нигде.

На улице людей мало. Я обошёл большую лужу от вчерашнего дождя, направляясь к Жене. У кого-то из соседей был

включён магнитофон, доносился голос Ивана Кучина, который пел про человека в телогрейке, который по белому снегу уходил от погони. Слова вспоминались сразу, хотя песню не слышал лет двадцать с лишним.

Открыл калитку. Надо Жене наводить порядок у себя во дворе, всё заросло травой. Дверь в сени открыта настежь. Он хотя бы собрал бутылки и выбросил, так что можно спокойно пройти.

Вошёл внутрь, Женя только что вылез из подполья и сейчас закрывал тяжёлую деревянную крышку. Вид у него чуть получше, чем вчера, но после загула с китайским спиртом отходить можно долго.

Хорошо хоть, что он не успел подсесть на что-то потяжелее и опаснее, что тоже возили с Китая.

– Думал, может осталось что с зимы, – ответил он, заметив мой взгляд. – Огурцы или компот может какой.

Он медленно поднялся на ноги, раскатал ковёр на люк подполья, подошёл к холодильнику и достал из него тёмную бутылку местного пива. Открыл крышку об стену, пиво пшикнуло. Спирта и водки нигде нет, похоже, Женя и правда решил выходить из долгого загула. А то похмеляться ими – запой продлится ещё долго. Хорошо, что он молод, а то было бы тяжелее.

– Пошли завтракать, – позвал я.

– Ща, – он несколькими глотками осушил бутылку. – В себя приходиться надо, а деда Боря меня с пивом не пустит.

Хорошее мы вчера дело сделали, Волк. Успели. Ты как чуял.

– Угу.

– А раз ты всё знаешь, – Женя хитро посмотрел на меня. – Когда я схожну?

– Не скоро, – серьёзно ответил я. Теперь уже точно не скоро. – Но в загулы не уходи.

– Постараюсь. Может, ты ещё что подскажешь? А то деньги кончаются. Где их взять?

– Ещё обдумаем. Пошли.

Дед с подозрением посмотрел на Женю, когда мы зашли в дом, и сурово нахмурил брови.

– Отправлю-ка я Кирюху пива тебе взять, полечишься, – сказал он.

Купить пиво в 17 лет тогда не составляло больших проблем. Да даже в 14 лет его продавали, как и сигареты. Хотя были продавцы, которые наотрез отказывались продавать алкоголь детям, и было их немало. Зато купить можно было выпивку в любом месте, в любое время и в любой день. Почти в любом киоске всегда было спиртное.

– Да не надо, – Женя отмахнулся. – Хорош уже.

– Ну, смотри, дело молодое.

На завтрак были жареные яйца, свежие и домашние, Кирилл собрал их утром из курятника. Яичницу густо засыпали свежим укропом, дед вообще его очень уважал и сыпал в каждое блюдо. А ещё к чаю купили конфеты, которые наверное были только в наших сибирских краях.

Фиолетовые шершавые фантики, на которых был изображён Мао Цзэдун. Привозили их массово из Китая. С нугой, но такой твёрдой, что вполне можно было сломать зуб или пломбу. А я помню, как лечили зубы в это время, так что не рисковал.

Ещё оттуда привозили китайскую колу в красных банках из алюминия. Привозил её дядя Вася, тот самый, который возил металл в Китай. Можно было даже сдать банки ему назад, получив за это немного денег.

– Машина нужна? – спросил дед. – А то в город хочу съездить.

– Езжай, пока никуда не собираюсь, – сказал я, подхватывая вилкой ещё яичницы. – Завтра с парнями на железку сходим.

– А сам-то что, не хочешь?

– Нет, другую работу подумываю.

– Ну смотри. Не бандитом же? – он сурово глянул на меня.

– Совсем нет.

Дед надел кепку и тёмно-синий старый пиджак, к которому раз в год, на Девятое мая, прикручивал орденские планки. Сами медали почти никогда не носил, они лежали у него в шкафу.

Кирилл убежал к знакомым, хотел взять фильмов посмотреть, потому что Женя согласился дать нам видеомagneфон на время. А мы пока вышли посидеть на свежем воздухе.

К забору была прибита стопка старых газет, которую удер-

живали две деревянные планки на гвоздях. Это я прибил, ещё когда учился в школе, и колотил по стопке кулаками. Теперь этим занимался Кирилл. Груши не было, но ударку надо было отрабатывать.

В стороне под навесом, где зимой лежали дрова, стояла гиря на 16 килограмм. Подошёл и поднял. А сила ещё есть. Надо бы походить в зал к Семёнычу, привести себя в форму.

От соседей всё ещё доносился Кучин, наверное, слушали его альбом, просто меняя кассету сторонами. Сейчас он пел «Хозяин, пусти меня назад».

– Жаль, что не успел вчера, – Женя достал сигарету из мягкой пачки родопи.

– Успели же, – несколько раз стукнул по газетам, но осторожно, кулаки ещё болели после вчерашней схватки. Но зато можно пинаться.

– Грохнуть его не успел, – Женя покачал головой. – Таких только одно пугает, когда сами сдыхают. Помню, когда мы были в Гудермесе, там был один такой чех, прозвище у него было...

В калитку постучали. Собаки не было, старый пёс умер зимой, нового пока не завели, но надо.

Пришёл дядя Серёжа Лапин. Улыбающийся пузатый и загорелый мужик с толстой золотой цепью на шее и здоровенным браслетом на руке, тоже из золота.

– Здорово, мужики, – он показал золотые зубы в половину рта. – Да я тут в Китай собираюсь. Макся, не хочешь со мной

кэмэлом поехать?

Кэмэлы – это особые челноки. Многие продавцы с рынка ездили в Китай по туристической визе, но оттуда можно было вывести всего пятьдесят килограмм багажа, что проверяли на таможне.

Поэтому набирали команду кэмэлов, единственная цель которых – провести с собой груз нанимателя через таможню. Платили немного, но оплачивали визу, сборы, дорогу и даже разрешали взять с собой пять килограмм своих покупок. А цены в Китае были заметно дешевле, чем здесь.

С учётом того, что многие на таможне всю одежду надевали на себя в несколько слоёв и это не считалось весом, многие подрабатывали таким способом. Так что вид туристов, которые тащили тяжеленные китайские клетчатые баулы, никого не удивлял.

Но сейчас мне это было неинтересно. Что я заработаю на этом? Да и мне надо присматривать за Кириллом и Женей, и не забывать о зале Семёныча. И конечно же, своё дело, о котором я думаю день и ночь.

– Нет, дядя Серёжа, у нас дела.

– Да подзаработали бы, – Лапин вздохнул. – А у Кирюшки нет загранпаспорта? К школе бы приоделся. Да и тебе бы вещи на осень не помешали.

– Нет.

– Жаль-жаль, но смотрите сами.

Он ушёл, пошёл к другим соседям.

– Кхе, – Женя хмыкнул и стряхнул пепел. – Я тогда про-
сился съездить, а он меня не взял. Хотя и ладно. Я бы там
где-нибудь с китайцами закусился бы и подрался, это точно.
И водка там дешёвая, говорят.

– Тебе сейчас не до водки должно быть.

– Ты как тот, с пятном на лбу, – Женя засмеялся, но вздох-
нул. – А, да все они те ещё... ладно. Какие планы, Волк? Не
на сегодня, а вообще. Не просто же на железку устроить. Ты-
то потом всё равно уедешь.

– Планы пока примерные, – я ещё несколько раз стукнул
по газетам. – Надо денег для старта, собрать людей, потом
помогать тем, кто попросит. Заодно оформиться официаль-
но. Но это всё пока без конкретики, пока надо сосредото-
читься на деньгах.

– У тебя голова всегда варила, – он потёр виски. – Знаешь,
я тебя даже не узнаю. У нас комбат был один, хороший му-
жик, земля ему пухом. Столько пацанов спас. Вот тоже рас-
суждал всегда так, как ты. Ладно, к чему я это. Ты там в сво-
ём универе точно изменился, раньше ты так не говорил.

Я сел рядом с ним.

– Есть одна идея, Женя, но рискованная. Надо обду-
мать, как лучше к этому подступиться. Время такое. Опас-
ное, но возможности есть.

– Чё так зови.

– Обязательно.

Калитка открылась, вернулся Кирилл с чёрным пакетом,

где лежали кассеты. Сегодня воскресенье, делать особо нечего, а из-за дождя вчера не надо поливать огород вечером. Сегодня будет КВН, а старый КВН мне нравился намного больше современного. Ну а пока Женя принёс свой видеомagneфон, и Кирилл быстро подключил его к ящику.

Старый видик с шумом мотал кассету терминатора на начало. Я-то фильм смотреть не хотел, уже видел. Просто пока думал, сидя за столом деда, как использовать мои знания того, что случится в будущем.

Просто для меня всё это было 25 с лишним лет назад. Конечно, позабылось многое. Самое яркое я помню, но не детали.

Кирилл начал чистить картошку на обед, сидя перед ящиком, Женя развалился на диване, а из телевизора раздался хорошо знакомый мне голос переводчика Леонида Володарского:

– И восстали машины из пепла ядерного огня...

Даже тогда я видел этот фильм раз сто. Я отвернулся от экрана и тут...

Газета, которую читал дед, и спортивные сводки к ней. Что? Именно сегодня? Тот самый день и тот самый бой? Бой за титул чемпиона и матч-реванш?

Да, оно. Тот самый легендарный бой между Майком Тайсоном и Эвандером Холифилдом, где Тайсон откусил сопернику кусочек уха.

И сейчас я единственный человек в мире, который об этом

знает.

Пробежал заметку. Там уже упоминалось о бое, который прошёл год назад и когда Тайсон проиграл. Но ни слова об ухе. Значит, это будет именно сегодня, я не перепутал и помнил верно.

Посмотрел ещё раз внимательнее. Бой назначен на субботу, которая была для нас вчера, но он пройдёт в Лас-Вегасе, а там разница во времени с нами – целых 16 часов!

То есть у нас ещё половина двенадцатого дня, а там... пол восьмого вечера субботы. Неужели успею?

Начал вспоминать свою прошлую жизнь. Тогда я даже не знал о том, что случилось с Дашей, а просто напился на речке вместе с остальными, с той компанией, с которой тогда общался.

В тот день я проснулся в обед, проигнорировал Кирилла, даже не думал зайти к Жене, а направился продолжать веселье. К двум часам дня мы зашли в бар, где неофициально делали ставки на спорт и показывали матчи по кабельному.

Там я тоже напился, и в памяти через столько лет всё смешалось, иногда даже думал, что смотрел другой бой Тайсона. Но сейчас вспоминал. Тогда я занял у Петрухи четыреста тысяч, в счёт тех денег, что лежали у меня на сберкнижке, и поставил всё на Тайсона, что он победит в третьем раунде.

Он тогда был фаворитом, хотя и проиграл первый бой с Холифилдом. Проиграл и второй, его дисквалифицировали как раз в третьем раунде. Ещё бы, два раза цапнул соперника

за ухо и даже откусил кусочек. И пришлось мне снимать на следующий день все деньги, чтобы отдать их Петрухе.

А запись самого боя посмотрел ещё раз потом, через несколько лет, так что результат и ход схватки знаю точно. Могу вернуть то, что потерял тогда, и подзаработать, ведь то, что случилось, никто даже не мог предположить.

Так, надо всё продумать, пока есть время. У меня нет сейчас денег, надо будет занять до завтра, а потом получить выигрыш. Да, выигрыш-то скорее всего отдадут, но если буду один... опасно, надо взять помощь, пойду с Женей.

Вряд ли получится заработать большие деньги, но помимо обычных ставок можно сделать и другие. Ведь там будут азартные люди.

Взвесил всё ещё раз за и против. Рискованно, но... разве не время воспользоваться тем, что уже знаю?

Заметил пристальный взгляд Жени.

– Что-то придумал? – спросил он.

И Кирилл уже тут как тут, Уже никто не смотрит фильм, а оба уставились на меня. Будто ждут от меня предсказаний.

– Знаю, кто победит, – я ткнул в чёрно-белую фотку в газете, где оба боксёра были на ринге в свой первый поединок.

– Тайсон, – сказал Кирилл, даже не думая.

– Тайсон, – добавил Женя. – Возьмёт реванш и порвёт того негра на британский флаг.

– А вот и нет, – я помотал головой. – Проиграет. А бой этот запомнят на годы. Вот увидите.

* * *

Тем временем, в центре города

Капитан Лесняков сегодня наконец-то получил первый выходной за долгое время и отправился с женой на рынок тратить получку. Впрочем, тратить её особо и не на что, кроме как на окорочка, макароны и совсем уж важные вещи.

В такие дни опер подумывал, а не устроиться ли куда-нибудь в другое место, где платят получше и нужны люди с таким опытом работы.

Но эти мысли сменились на другие. Он с сумками вернулся к своей старой шестёрке, стоявшей на улице, и увидел знакомую тёмно-зелёную ауди.

Ублюдок, которого выпустили вчера, стоял рядом с ней и даже не скрывался. Лицо опухло, остались следы побоев, на носу повязка. Волков и Ковалёв, два друга, хорошо ему вставили, чуть не прибили насмерть. Но мэр Муратов отказался что-то им предъявлять, хотя адвокат и предлагал.

И вот, Андрей Муратов стоял у своей машины и зубоскалил с рыжей девушкой, одетую в белую футболку и юбку. Спокойно себе вышел в город и ничего не боялся.

– Шпана какая-то, – жаловался он. – Пройти уже невозможно, чтобы ничего не случилось. А потом ещё и менты вылезли, меня виноватым сделать хотели. Родная милиция нас бережёт, да? Хорошо хоть дядя подъехал, разобрался. Он же у меня мэр, ты не в курсе?

Лесняков медленно подошёл к нему со спины. Рыжая де-

вушка посмотрела на опера с удивлением.

– Насильник он, – сказал Лесняков. – Лучше не связывайся.

Глаза девушки округлились, и она торопливо ушла, оглядываясь каждые несколько метров.

– Да ты чё? – Муратов повернулся. – Совсем попутал? Да я дяде скажу...

– Говори кому хочешь, – угрожающе тихо сказал Лесняков. – Но я за тобой присматриваю, Андрюша. Только попробуй сотворить, что вчера хотел. Только попробуй. Я-то всё знаю, и не только я.

Парень вздрогнул, сел в машину и уехал. Лесняков выругался про себя. Вот поэтому ему и не давали повышения, вечно лез не в своё дело. Сказало же руководство, что само разберётся, это их ответственность.

Хотя если они ошибутся, крайним будет как раз он. Настроение испортилось. Но зато напугал ублюдка. Не просто так эти парни чуть его не кончили там.

Но как, интересно, они его засекли? Время не сходилось. Волков-то объяснял спокойно, он-то хитёр. А вот второй парень, который из Чечни приехал, говорил не так уверенно и что-то скрывал.

Даже осталось впечатление, будто они знали, куда идут и на кого. Но разобраться с этим Лесняков не успел, ведь урод снова на свободе. А следить за ним сутками опер не сможет.

Глава 6

Выслушав, что я сказал о бое, Женя сходил домой и при-тащил оттуда свою заначку. Десять купюр по сто тысяч, целый лимон, всё, что осталось от продажи москвича. А Кирилл очень долго совал мне свои заработанные двести тысяч.

– Да ерунда, ещё заработаю, – спорил он. – А ты как выиграешь, ещё ставки сделаем.

– Так не выйдет, – ответил я. – Я не знаю все бои и матчи, только некоторые.

После того поражения я никогда больше не делал ставки. Да и все результаты, само собой, я не помнил. Да, когда будет матч Аргентины и Ямайки, я поставлю на результат 5-0, потому что песня въелась в голову, но когда это ещё будет?

Только если будут какие-то события, которые я помнил точно, как сегодняшней бой. Да и опасно постоянно и часто выигрывать. Один раз ладно, но вот когда начнёшь побеждать постоянно, многие это заметят.

Так что заработки на ставках будут делом редким, но верным, вот как сейчас. Да, пусть вчера я немного изменил ход истории, но эти несколько дней точно не повлияют на бой двух боксёров на другом краю света.

– Идём? – спросил Женя, отпив воды из ковшика.

– В таком виде тебя не пустят.

В том заведении присматривались к посетителям, так что

парня в военной форме могут не впустить. А если ещё Женя при этом психанёт, о зарплатке можно забыть. Беда в том, что он после армии одежды себе почти не покупал, а школьная ему уже мала, он сильно раздался в плечах и подрос.

Но хоть мы с ним почти одной комплекции. Дал ему свою белую рубашку и брюки. Так мы и пошли, неся у меня в кармане миллион и двести тысяч Кирилла. А я пока вспоминал тот день и продумывал, что делать сегодня. Риск надо свести к минимуму, ведь мы идём не на прогулку.

На улице жара, а ещё влажно после вчерашнего дождя. Народу встречалось немного. Дед забрал машину, так что в город мы пошли через мост-виадук, который проложили над железнодорожными путями. Раньше бы я нагло пошёл через пути, но двадцать пять лет работы на железке дисциплинируют.

Зато посмотрел сверху на родное ремонтное депо. Некоторые здания ещё не построили, до сих пор нет первого корпуса, где на меня наехала колёсная пара. Люди ходят без светоотражающих ярких жилетов-желтух. Электровозы ещё не появились в этих краях, только тепловозы.

Дальше шли пути, на которых стояли бесконечные составы леса и цистерны с нефтью, которые гнали в Китай. Кроме этого, были составы с металлоломом. Вывозили всё, что можно и что нельзя. А в ответ приезжал китайский ширпотреб, дешёвые вещи плохого качества, спирт и наркота.

В городе прошли мимо рынка, где мы с Кириллом были

вчера, и добрались до бара «Байкал». Хотя баром я бы это не назвал, это больше кафе или ресторан.

Здесь два заведения в этом двухэтажном кирпичном здании. На первом этаже летнее кафе, на втором ресторан, куда пускали только избранных гостей. А в подвале разливали пиво и показывали матчи по кабельному. Матчи показывали и наверху, но туда нас не пустят, нам в подвал.

В летнем кафе ещё никого не обслуживали. Немолодая женщина мыла полы, а официанты ожидали больших гостей. В стороне стояла небольшая очередь посетителей к двери в подвал, рядом с которой стояли два амбала. Они внимательно смотрели, кто идёт, проверяли, нет ли оружия или своего алкоголя. Пить можно только то, что наливают здесь, своё нельзя.

Мы с Женей встали в конец очереди. Он весь извертелся и поправлял рубашку, которая на нём плохо сидела. Но зато вид теперь как у обычного парня тех времён, только не стриженный под машинку, сильно оброс. И до сих пор опухший после запоя.

В кафе играла музыка, из колонок раздавалась песня Татьяны Булановой «Ясный мой свет». Но вскоре началась какая-то суета. Официант, выслушав подошедшего к нему братка, сменил кассету, и скоро запела очень популярная «Братва, не стреляйте друг в друга». Тогда она играла ото всюду, а по телевизору часто крутили клип.

– Куда? – спросил амбал, преградив нам дорогу.

– В зал, – сказал я. – Ставки сделать, бой посмотреть, выпить.

– Он уже пил, – амбал покосился на Женю. – Он туда не идёт.

– Мы вместе, – спокойно произнёс я, потому что Женя уже начал кипятиться. – Пришли вместе, спокойно посмотрим и сделаем ставки.

Охранник пристально на нас посмотрел, но кивнул. Только заходить пока рано, надо немного подождать одного человека. Надеюсь, я не сильно ошибся и он скоро приедет.

Женщина с тряпкой, которая мыла полы, торопливо ушла, официанты выстроились у входа в кафе, а рядом с крыльцом ресторана остановился чёрный джип. Оттуда вышло ещё несколько амбалов в костюмах и тёмных очках, которые разошлись по территории. Один встал перед нами.

Телохранители, хотя они больше для статуса, чем для реальной охраны. Много случаев в эти годы доказали, что если захотят убить, эта толпа громил не поможет. Зато было модно держать при себе таких людей.

Они ждали хозяина, и уже вскоре у крыльца остановился чёрный БМВ. Охранник открыл дверь, откуда сначала вышел худой, но крепкий мужчина в чёрном костюме и прилизанными волосами. Он огляделся и помог выбраться блондинке в дорогом синем платье.

Их я и ждал. Этот мужчина – Игорь Крюков, глава пивзаводских, а девушка его сестра. Я видел разных бандитов в

своё время. Были опасные для всех убийцы, психи, громилы, а вот таких, как Крюков, я встречал мало. Вежливый, осторожный, но очень жестокий.

Он молод, ему всего тридцать, хотя выглядит на сорок из-за морщин и усталого лица. В самом начале девяностых он ходил с нами на кикбоксинг к Семёнычу, где занимался в самой старшей группе, но помогал нам, пацанам помладше. Помню даже, как занимался со мной, держал мне лапу. Его очень уважали, особенно Семёныч. А младшая сестра Крюкова училась со мной в одном классе.

А вот когда начался развал всего, Крюков не растерялся. Он собрал других парней из своей группы, и начал работу с кооперативами. Крышевал их, требовал денег за защиту. Кто отказывался, на их примере показывал, что будет, если ему не платить.

Потом, когда открыли границу с Китаем, он тщательно следил, кто туда едет, что возит и делится ли с ним прибылью. Он же запустил руки в выдачу талонов, когда повсюду не было еды. Чуть позже подмял под себя пивзавод, в честь которого и стала называться его банда.

Причём никакие прозвища к нему не липли, его все так и называли Крюков или Игорь Иванович для своих. Даже Крюк не прижилось.

Потом он развернулся по-настоящему. Пока другие банды появлялись и исчезали, пока авторитеты дохли пачками, он продолжал свою работу. Использовал пивной завод как ин-

струмент. Если кто-то в области хотел податься в политику, он шёл к Крюкову, а тот пригонял фуры с водкой и пивом, которую раздавали населению от лица кандидата.

Даже мэр города, дядя того маньячного ублюдка, хоть и связан с бандой мясокомбината, от помощи Крюкова не отказался. Мэр Муратов устраивал всех, от братвы до губернатора, поэтому все смогли договориться.

С помощью водки и продуктовых наборов из суповых костей и куриных тушек, которые выдавались избирателям, Муратов одолел на выборах хозяина рынка, который приказал продавцам торговать со скидкой себе в убыток перед выборами. Бесплатная еда оказалась лучше дешёвых вещей.

Много связей у него есть, и много чем он занимался. Братва с Дальнего Востока поставляла ему японские тачки, знакомый военный комиссар помогал отмазывать людей от армии за деньги, и ещё много чего. И это не говоря о тревожных слухах, что ходят о нём.

А ещё он очень азартный человек. Пока мы с Женей шли сюда, я подумывал, не предложить ли Крюкову личный спор насчёт того, кто победит. Ведь Крюков же приехал сюда посмотреть бой с сестрой, и обязательно сделает ставки.

Но я обдумал всё хорошо и передумал. Да, у Крюкова есть определённая репутация и он вполне бы отдал деньги... с другой стороны, бандит, проигравший в споре, вполне может повести себя не так, как от него ожидают.

Так что я решил обойтись меньшим риском. А то на виду

он может деньги и отдаст, а потом я окажусь где-нибудь в лесопосадках за городом или на его личном кладбище, которое по слухам находится на территории пивзавода. Нет, так рисковать не буду, сделаю проще.

Крюков часто появлялся в городе с сестрой Машей, которая училась со мной и Женей в одном классе. Маша любила смотреть бои, да и часто ходила к нам в зал.

Она-то нас и узнала. Вернее, я сам ей помахал, ведь появление Крюкова мне и нужно. В прошлый раз он меня не вспомнил, но надо, чтобы вспомнил в этот. Облегчит мне работу.

– Игорьь, смотри! – Маша остановилась. – Там Макся и Женя! Столько вас уже не видела! Где пропадали?

Амбал, который нас заслонял, тут же отошёл. Улыбающаяся Маша в дорогом платье, увешанная золотыми украшениями, подошла ближе. Крюков и сам нехотя приблизился к нам, с подозрением приглядываясь к нам. Наконец, в его взгляде проявилось узнавание.

– Здорово, парни, – тихо сказал он. – Как сами?

– Не жалуемся, – ответил я. – Пришли бой посмотреть.

– Ну и хорошо. Но если работа нужна, к Фролу подойдите, – Крюков показал на своего бригадира, который стоял в отдалении. – Или если дело какое открыть решишь, тоже к нему. Пошли, Машка, посмотрим, как Тайсон этого негра порвёт.

Сегодня будут драться два негра, но Тайсон-то был почти

своим, его уважали за суровый нрав и дерзкий характер. Поэтому и ставки все будут на него.

– Но Холифилд в прошлый раз победил! – спорила Маша.

– А сейчас Тайсон его прямо там и закопает.

Крюков с сестрой ушли. Фрол глянул на меня, особенно покосился на Женю, который легко выдержал взгляд, и ушёл следом. Амбал, который стоял на входе в подвал, пропустил нас без проблем. Даже короткого разговора с Крюковым хватило, чтобы нас не трогали. Этим я и хотел воспользоваться.

– Любят они выделяться, – сказал Женя, пока мы спускались по узкой лестнице. – Одни понты, а как под обстрелом окажутся, сразу полные штаны насрут.

– Не спорю, Женя. Но давай сегодня заработаем. А срать-ся нас они будут потом.

Он усмехнулся. Хорошо, что он пошёл со мной. Без него идти было бы опасно. Два крепких парня – не один, уже не каждый рискнёт грабануть. Да и к Семёнычу с ним как-нибудь зайдём, расскажу ему о том, что делец Родионов хочет занять зал.

Надо это дело не бросать, и других подтянуть, кто там учился. Крюкову про зал говорить не буду, оставлю это на самый крайний случай, если не помогут другие способы. Такой человек точно не поможет по доброте душевной, только по расчёту.

Женя закурил из пачки родопи, хотя в зале и так стоял сплошной сигаретный туман, хоть топор вешай. Над стой-

кой стоял здоровенный телевизор, по которому показывались помехи.

Усатый мужичок настраивал канал, бой вот-вот должен был начаться. На чёрной доске мелом были расписаны ставки. Явный фаворит – Тайсон, хотя он и проиграл первый бой с Холифилдом. Деньги принимали в отдельной комнате за стальной решёткой, туда я и направился.

– Всё на Холифилда, – сказал я лысому старичку в очках, который только что загнал толстую пачку рублей в машинку для счёта денег. – Победа после третьего раунда, дисквалификация соперника за нарушение правил.

– Один к трём, – ответил он. – Но потеряешь свои деньги. – Записывайте.

Он через прутья решётки взял тоненькую пачку рублей, тщательно пересчитал и проверил, что не фальшивки, потом выдал мне квитанцию на серой бумажке.

– Реально что ли так и будет, кхе? – Женя усмехнулся и достал новую сигарету. – Но ты явно чё-то чуешь, Волк.

– Не всё, далеко не всё. Но этого нам пока хватит, Женя.

Сели за стол в угол. Ящик ещё не починили, картинки не было. Из хриплых колонок пел Михаил Круг про Жигана-Лимона. Владимирский централ тогда ещё не появился, это потом он будет играть везде, где только можно.

В зал набивались люди. Пришли и мои знакомые, Петруха и компания, с которыми я пил в своей прошлой, первой жизни. Все демонстративно сели от меня подальше, чему я

был только рад.

Даже представить себе не могу, что хоть один из них сделал бы то же самое, что вчера для меня сделал Женя, когда отправился на помощь, не спрашивая ни о чём. Буду держаться своих.

– А ты чё, Игоря Иваныча знаешь? – спросил круглолицый мужик в чёрном спортивном костюме, который сел рядом со мной.

Вид бандитский, на пальцах золотые перстни, на шее толстая цепура. Смотрел на меня изучая, будто проверял, испугаюсь я или нет. Я не пугался.

– Занимались в зале с ним, – всё так же спокойно сказал я. – Вот и вспомнил меня.

– Ого. Ну, Игорь Иваныч бои смотреть любит. Сёдня Тайсон этого негра уделает.

– Тайсон проиграет, – уверенно сказал я. – Дисквалифицирует. Слишком он злой, сорвётся.

– Да ты гонишь! Да не проиграет он!

– Проиграет. Сто пудов сорвётся, начудит и проиграет. Победу получит второй.

Браток покачал головой. Не поверил. Ну а я делал вид, будто просто предположил, учитывая взрывной характер Тайсона.

– На сто баксов даже готов поспорить? – спросил браток, сверля меня глазами.

– Поспорим.

– Ну, – браток засмеялся и закурил ЛМ. – Тут ты зря. Но смотри, тебя никто не заставлял. Потом не бегай жаловаться Иванычу, что тебя обули. Всё сам.

Он отошёл к своему столу, хвастаясь лёгкими деньгами, а вскоре оттуда подошёл ещё один, бритый наголо, со сломанным носом и сбитыми костяшками пальцев. С ним поспорили о том же, только на двести долларов. Хотя он предлагал на тысячу, но я не стал, это уже много и может грозить неприятностями. Хватит и двести.

Братки поухмылялись, думали, что поставили меня на бабки. Женя не вмешивался, только курил. Горка окурков росла в стеклянной пепельнице.

Я думал подойти ещё к кому-нибудь. Но мне не хотелось спорить с простыми людьми, кто ставил с таким трудом заработанные деньги. У бандитов отнимать не жалко, но сильно жадничать тоже не буду, рискованно. Возможностей заработать ещё полно.

Настроили телевизор, но изображение рябило, да и сигаретный дым в зале мешал смотреть. Показ нелегальный, иногда прерывался, комментаторы говорили на английском, но никто их не слушал, ведь все в зале обсуждали, какой Тайсон молодец и вообще крутой.

По ящику показывали далёкий Лас-Вегас. Один бандит хвастался, что летал туда в прошлом году и просадил в этом самом казино три тысячи баксов. Начинался бой, о котором в моё время слышали все. Публика радостно загудела, когда

выходил Тайсон, и недовольно замычала при виде Холифилда.

Бой я помнил так себе, но вспоминал по ходу. Холифилд дрался грязно, бил головой. Думаю, поэтому Тайсон и не выдержал. Сначала один кусок уха, потом второй, что встретили одобрительным смехом... плавно переросшим в негодование, ведь бой остановили.

Третий раунд закончился, вскоре последовала дисквалификация. На ринге творится хрен знает что, там все толпились, орали, некоторые даже дрались. Холифилд удержал пояс ценой кусочка уха, Тайсон проиграл, а большинство тех, кто сюда пришёл, остались без денег.

Возмущались и в зале, пока амбал у входа не призвал к порядку. Думаю, в ресторане наверху люди тоже остались недовольны. Кто-то заказал себе водки, включили музыку, но большинство уходило в мрачном настроении.

– Держи, – круглолицый бандит положил передо мной сотку баксов, хлопнув по ней ладонью. – Всё как договорились.

Второй бандит, лысый, ударил кулаком по столу.

– Ты что-то знал! – заявил он с напором. – Не просто так спорил.

Женя поднялся и потянулся за стулом, без всяких прелюдий собираясь врезать братку, но я его остановил. Подраться всегда успеем.

– Бой в прямом эфире, – ответил я. – Заранее никто не

знал и знать не мог, только предполагать. И как бы я по-твоему посмотрел бой раньше? Всё честно, так что давай, как договорились, двести баксов, или мне к Фролу идти? Я тебя не заставлял спорить, ты сам предложил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.